ЭПИЗОДЫ
войны и революціи
1914 — 1922 г.

Воспоминанія

женщины — врача

Графини С. А. Кронгельмъ-авъ Хакунгэ

Таллинъ.
1937.

„Свѣжо преданіе,
а вѣрится съ трудомъ“.

Эпизоды войны и революціи
1914—1922 г.

Таллинъ.
1937.

„Libris" trk., Tallinn

Къ читателю.

Подобно тому, какъ передъ концертомъ нужно настроить всѣ инструменты оркестра въ унисонъ, я прошу Васъ вступить со мною въ контактъ и настроиться на Россійскій ладъ: перенеситесь мыслью въ нашу любимую, многострадальную Россію!.. быть можетъ, тогда мои воспоминанія Вамъ дадутъ нѣкоторое удовлетвореніе.

Авторъ.

1. ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЪѢЗДЪ.

Въ первыхъ числахъ декабря 1914 года война Россіи съ Германіей поглощала многое множество жертвъ; санитарныя части, какъ и военныя, требовали все больше и больше пополненія въ личномъ составѣ персонала, какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу. Городъ Харьковъ, въ числѣ прочихъ городовъ, откликнулся патріотическимъ подъемомъ духа на нужды войны и «Мѣстное Общество Кр. Креста», во главѣ съ предводителемъ дворянства, графомъ Ребиндеръ и его супругой дѣятельно мобилизовали персоналъ для отправки на фронтъ. Недѣли шли за недѣлями, отряды отправлялись за отрядами... пронесся вихремъ по городу слухъ о благосклонномъ рѣшеніи Царя и Императрицы навѣстить городъ Харьковъ: перезвонъ колоколовъ, улицы во флагахъ и пушечные залпы скоро оповѣстили народъ о приближеніи Царскаго поѣзда въ городъ Харьковъ. Какъ сейчасъ вижу медленный поѣздъ и кортежъ автомобилей среди шпалеръ войскъ и при громадномъ стеченіи народа торжественно, при крикахъ несмолкаемаго, раскатистаго, русскаго у р а, двигающійся вверхъ по Сумской улицѣ. Строжайше

было запрещено бросать «прошеніе» къ ногамъ Монарха: но вдругъ, при медленномъ шествіи въ гору, изъ толпы выбрасывается букетикъ фіалокъ «съ прошеніемъ» и попадаетъ прямо въ грудь Государю. Легкое замѣшательство среди дежурныхъ генераловъ въ автомобилѣ,—Его Величество благосклонно улыбается и, прикладывая руку къ козырьку, слегка склонивъ голову, громко говоритъ толпѣ: «Будетъ исполнено»... Цѣлый градъ ликующаго «у р а» несется по рядамъ толпы и какая-то старушка умиленно плачетъ... прошеніе было объ ея единственномъ сынѣ...

Нѣсколько часовъ спустя, восемь скромныхъ сестричекъ милосердія стояли шеренгой въ вестибюлѣ лазарета Краснаго Креста: ихъ дыханіе спирается отъ длительнаго ожиданія: на дворѣ 20 градусовъ мороза и все-же ожидаютъ пріѣзда Императрицы. Ея Величеству предстоитъ подняться въ верхній этажъ, гдѣ много тяжело-раненыхъ. Солидные сановники со «звѣздой», врачи, санитары, хлопотали вокругъ кресел-носилокъ для Императрицы и никакъ не могли сговориться при «репетиціи» надъ способомъ ровнаго, въ шагъ, подъема по лѣстницѣ, кто съ кѣмъ ровнѣе всего производитъ этотъ маршъ... Но вотъ всѣ присутствующіе вытянулись въ струнку: легкій шумъ машины и короткій гудокъ автомобиля оповѣстилъ о Высочайшемъ пріѣздѣ. Мы, сестры, замерли... Двери распахнулись и Ея Величество, въ сопровожденіи двухъ старшихъ Дочерей и фрейлины вошли въ вестибюль. Намъ, сестрамъ, предстояло въ этотъ-же вечеръ ѣхать на фронтъ. Графиня Ребиндеръ насъ представила по-англійски: Императрица каждой изъ насъ повѣсила на шею образокъ, перекрестила, поцѣловала въ голову и пожелала благополучной работы...

Отъ кресла-носилокъ Императрица отказалась и медленно — опираясь на руку старшей Дочери — поднялась въ верхній этажъ...

2. ВЪ САНИТАРНОМЪ ПОѢЗДѢ И ГОР. ЕЛЬЦѢ.

Вечеромъ этого же дня мы грузились на санитарный поѣздъ. Меня провожали курсистки II курса Харьковскаго Женскаго Медицинскаго Института, гдѣ я была старостой курса уже 1½ года съ лишнимъ подъ-рядъ. Отведенное мнѣ купэ II класса утопало въ цвѣтахъ и было лихо на душѣ среди розъ, хризантемъ и сердечныхъ напутствій провожающихъ. Къ сожалѣнію, лишь къ утру мы узнали, что нашъ поѣздъ не назначается на фронтъ, а долженъ былъ обслуживать провозъ раненыхъ изъ города Орла до Ельца и обратно. На станціи Орелъ, куда мы черезъ сутки ночью доѣхали, было весьма хаотично: для тяжело-раненыхъ были у насъ вагоны съ мягкими койками; легко-раненыхъ мы размѣщали на нарахъ въ теплушкахъ; въ баракѣ, гдѣ ютились скопища раненыхъ въ повалку, несмотря на ночное время, дамы-патронессы спѣшно отпаивали раненыхъ горячимъ чаемъ съ булками; но настоящее начальство отсутствовало...

Мнѣ понадобилось срочно достать карету скорой помощи для раненыхъ въ голову и перевести ихъ въ мѣстный лазаретъ, ибо они были слишкомъ больны для дальнѣйшей эвакуаціи. Дежурные нач. станціи и врачъ были невидимы, и только послѣ телефонныхъ переговоровъ я накрыла обоихъ за карточнымъ столомъ въ какомъ-то загородномъ ресторанѣ... Тѣмъ не менѣе, я добилась своего и раненые были-таки отправлены въ мѣстный лазаретъ.

Въ гор. Ельцѣ нашъ санитарный поѣздъ остановился на запасномъ пути, и когда мѣстное крестьянство стекалось къ поѣзду за врачебной помощью, я щедро надѣляла ихъ даровыми медикаментами. На подножкахъ вагоновъ ставились рядами склянки и банки, какъ въ образцовой аптекѣ, а порожняя посуда промывалась санитарами тутъ-же горячей водой. Дни бѣжали за днями. Въ свободное время, мы, персоналъ поѣзда, бѣгали на лыжахъ по окрестностямъ города Ельца, гдѣ есть много живописныхъ мѣстъ. Мѣстное крестьянство встрѣчало насъ радушно благодаря оказанной имъ щедрой медицинской помощи. Условія санитаріи въ г. Ельцѣ оставляли желать многаго: я не могу безъ упрека вспомнить, что пришлось, при операціи ноги, ассистировать въ то время, когда надъ головой керосиновая лампа коптѣла — въ мѣстной больницѣ. Къ концу операціи стекло лампы было черное, но этого нельзя было избѣгнуть изъ за испорченнаго «винтика» въ лампѣ... А въ комнатѣ было 2° тепла и нельзя было топить печку, которая имѣла широкую трещину во всю ея длину... Оперированный, понятно, умеръ 4 дня спустя отъ зараженія крови...

3. ВЪ ГОРОДѢ СЛАВЯНСКѢ.

Годъ спустя, лѣтомъ 1915 года, послѣ того что я была благополучно зачислена курсисткой III курса, мнѣ, на время лѣтнихъ каникулъ, была предложена должность завѣдующей лазаретомъ Кр. Креста въ городѣ Славянскѣ (Харьковской губерніи).

Этотъ курортъ для ревматиковъ, достаточно извѣстный цѣлебными свойствами своей грязи, являлся раемъ небеснымъ для переутомленныхъ воиновъ. Моя

задача завѣдующей была осложнена тѣмъ, что, кромѣ зданія, казна ничего не дала для устройства лазарета. Согласно депешѣ изъ центра, партія раненыхъ офицеровъ должна была прибыть черезъ 3 дня; тогда я срочно составила списокъ вещей первой необходимости: кроватей, матрацовъ, подушекъ, одѣялъ, платяныхъ шкаповъ, табуретокъ и пр. и на средства «Мѣстнаго Комитета Кр. Креста», во главѣ съ очаровательной предсѣдательницей, г-жей Орловой, — мною были изъ Харькова по телефону выписаны всѣ вышеназванные предметы. Трудно представить себѣ положеніе неопытной завѣдующей, когда съ одного подъѣзда во дворѣ вносится обстановка цѣлаго лазарета на 140 кроватей, а съ параднаго подъѣзда входятъ раненые на костыляхъ. Все же къ ночи больные были размѣщены: 40 офицеровъ направо отъ коридора и 100 человѣкъ нижнихъ чиновъ — налѣво.

Понемногу лазаретная жизнь вошла въ свои права и режимъ грязелѣченія исполнялся больными добросовѣстно.

Между прочимъ, мною впервые были произведены опыты лѣченія открытыхъ пулевыхъ ранъ съ раздробленіемъ кости — въ грязевой ваннѣ, при чемъ оказалось, что осколки дробленной кости послѣ каждой грязевой ванны свободно и безболѣзненно выдѣлялись, а заживленіе ранъ шло ускоренно. Для утилизаціи свободнаго отъ ваннъ времени среди раненыхъ мною было организовано изготовленіе противогазовыхъ масокъ; ихъ впослѣдствіи большими партіями отправляли на фронтъ. Такъ бѣжали дни въ трудѣ и лѣченіи, когда неожиданно пришло увѣдомленіе свыше о грозной инспекціи и пріѣздѣ Его Высочества Принца Ольденбургскаго.

4. ГНѢВЪ И МИЛОСТЬ.

Кто не помнитъ грозу и страхъ всѣхъ санитарныхъ частей, Принца П. А. Ольденбургскаго! Его появленіе на горизонтѣ Славянска было событіемъ первостепенной важности. Увы, на военной сторонѣ озера Славянска, въ баракахъ военнаго вѣдомства не все оказалось благополучно: въ сильномъ гнѣвѣ, Его Высочество, въ присутствіи всего начальства, сорвалъ погоны одному изъ полковниковъ — завѣдующему лазаретомъ. Легко себѣ представить мое волненіе, когда полчаса спустя Его Высочество подъѣхалъ къ нашему лазарету. Послѣ торжественной встрѣчи, когда хоръ больныхъ спѣлъ кантату, и я вкратцѣ доложила о состояніи раненыхъ ввѣреннаго мнѣ лазарета, Его Высочество сталъ обходить палаты. Въ первой палатѣ мною было все пригнано подъ свѣтло-голубой цвѣтъ: одѣяло, занавѣсы, шкапы и табуреты на бѣломъ фонѣ стѣны выглядѣли привѣтливо. Его Высочество молча измѣрилъ комнату взглядомъ и проговорилъ: «Хорошо, Сударыня».

Вторая палата была въ томъ же духѣ, но вся розовая. Его Высочество тамъ передернулъ плечами и сказалъ: «Прекрасно, Сударыня».

Третья палата была вся свѣтло-зеленая. Его Высочество пробурчалъ сквозь зубы: «Отлично, Сударыня».

Но, когда мы перешли въ операціонную, гдѣ подъ операціоннымъ столомъ лежалъ свѣтлый кусокъ линолеума и вся комната сіяла бѣлизной, чистотой — Его Высочество поднялъ торжественно свою палку, стукнулъ ею объ полъ и воскликнулъ: «Вос-хи-ти-тельно, Сударыня». Репутація лазарета была спасена и, —

конечно, немедленно наше любимое дѣтище было зачислено въ первый разрядъ съ наименованіемъ «Первый Славянскій Лазаретъ Кр. Креста Имени Принца Ольденбургскаго». Я же была представлена къ наградѣ — золотой медали съ лентой орд. Св. Станислава.

5. ПОДЪ СЕСЛАВИНО.

Осенью, послѣ закрытія лазарета въ Славянскѣ, я вновь стала скромно работать какъ курсистка 4-го курса. Но жажда фронтовой работы не давала мнѣ покоя, и, по окончаніи осеннихъ, зимнихъ и весеннихъ зачетовъ, подъ пасхальныя каникулы, я выѣхала въ апрѣлѣ 1916 года впервые на «фронтъ». За недостаткомъ персонала, мнѣ выпало на долю быть въ званіи младшаго врача въ баракахъ подъ Сеславино. Тамъ я нашла широкое поле дѣятельности... Трудно себѣ представить всю сырость и болотистость этого угла земного шара... По мосткамъ, между бараками, подъ проливнымъ дождемъ, и днемъ и ночью шли эшелоны раненыхъ. Нашъ операціонный баракъ имѣлъ стеклянную крышу: частенько, во время операцій, пролеталъ надъ нами непріятельскій аэропланъ, бросая бомбы, несмотря на то, что на всѣхъ прочихъ крышахъ бараковъ были краской изображены гигантскіе красные кресты на бѣломъ фонѣ...

Семь трудовыхъ мѣсяцевъ я провела тамъ: Господь хранилъ мое здоровье и работа поглощала всѣ силы. Бывали дни столь трудовые, что я, во время перевязокъ, падала между койками и засыпала на полчаса, сидя на полу съ прислоненной головой къ койкѣ только-что перевязаннаго мною раненаго...

Опасность окружала насъ и днемъ и ночью... Такъ,

однажды, въ минуту отдыха, я прошлась по шпаламъ и заговорилась со стрѣлочникомъ на перекресткѣ рельсъ. Мы съ нимъ любовались планирующими маневрами нѣмецкаго аэроплана и вспышками дыма вокругъ него отъ нашихъ батарей. Затѣмъ я отошла отъ него на нѣсколько шаговъ, и вдругъ раздался трескъ, короткій крикъ, и на мѣстѣ стоянки стрѣлочника оказалась лишь воронкообразная яма, клочья тулупа и куски разрозненныхъ костей; я перекрестилась — миновала меня чаша сія...

6. ПОДЪ МОЛОДЕЧНО.

Осенью 1916 года и снова вернулась въ Харьковъ, гдѣ заканчивала IV курсъ съ переходомъ на V-ый курсъ Медицинскаго Института.

Послѣ столь богатаго фронтовыми впечатлѣніями лѣта я со рвеніемъ молодости предалась занятіямъ. И тамъ, въ кругу курсистокъ, сглаживались ужасныя сценки истекшихъ мѣсяцевъ. Но когда настали Рождественскія каникулы, и временно въ г. Харьковѣ не было занятія, я вновь умчалась на фронтъ. На этотъ разъ — подъ Молодечно. Тамъ санитарныя учрежденія находились въ вѣдѣніи Всероссійскаго Земскаго Союза. Въ этихъ учрежденіяхъ царилъ полувоенный духъ, такъ какъ главарями были земскіе дѣятели, въ согласіи съ военнымъ вѣдомствомъ. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ, военщина въ чистомъ видѣ отпала, но все-же лазаретная жизнь подвергалась налетамъ военнаго начальства. Такъ, напримѣръ, полуштатскій главный врачъ д-ръ Кантаровичъ нашелъ нужнымъ сдать въ мое вѣдѣніе баракъ съ ранеными, наполовину занятый сифилитиками... Въ военномъ мірѣ такая смѣсь больныхъ не допускалась...

мои протесты въ этомъ направленіи не убѣдили д-ра Канторовича въ его ошибкѣ, и невольно пронеслась мысль, что — жаль Его Высочество Принцъ Ольденбургскій былъ далеко...

Я помню также день, когда среди насъ оказались двое дезертировъ, назначенныхъ д-ромъ К. санитарами... Какими путями дошло до свѣдѣнія военнаго начальства о подобнаго рода ошибкахъ въ администраціи нашего лазарета, мнѣ до сихъ поръ неизвѣстно... все-же, въ одинъ прекрасный день, ночью, налетѣла инспекція; результатомъ этого было удаленіе главн. врача отъ должности. Недѣлей позже, къ моему великому удивленію, я получила приказъ занять вакантную должность Гл. Вр., вмѣсто арестованнаго.

Въ этой должности было больше административной работы, чѣмъ истинно-врачебной. Мои свободные часы позволяли мнѣ иногда совершать прогулки верхомъ или на парѣ. Какъ-то разъ, подъ самый Новый Годъ , я получила приглашеніе провести праздники въ ОКОПАХЪ...

7. ВИЗИТЪ ВЪ ОКОПЫ.

Стратегія войны не признаетъ присутствія женщинъ въ окопахъ. Но, нѣтъ правилъ безъ исключеній, и, однажды, къ моему бараку подкатили три пары саней съ солдатами на козлахъ; забравъ 5 свободныхъ отъ дежурствъ сестеръ милосердія, я съ ними умчалась въ окопы. Нашъ путь лежалъ по глухимъ мѣстамъ,—полуразрушенный фольваркъ, гдѣ ютился временно штабъ, мы быстро миновали. Черезъ замерзшее болото мы все мчались впередъ... Вдругъ вспыхнула «звѣздочка» у горизонта — ракета нѣмцевъ — пред-

вѣстникъ ночной атаки... Но это не остановило нашъ маршрутъ. Верстъ 20-30 мы мчались безъ передышки; вдругъ кони остановились, кучера сошли и стали сѣномъ обвязывать копыта лошадей, еще черезъ полчаса мы были у цѣли. Въ ночной тиши и во мракѣ немыслимо было видѣть что-либо вокругъ, да и не-начемъ было остановить глаза: большая равнина разстилалась передъ нами. Все же, черезъ нѣсколько шаговъ насъ остановилъ голосъ изъ-подъ земли: «Кто идетъ?!». Патруль въ канавѣ, телефонъ — пропускъ переданъ и мы молча шагаемъ по кочкамъ поля. Новый окликъ изъ-подъ земли, и мы по землянымъ ступенькамъ оказались въ подземномъ царствѣ. Настоящая каютъ-компанія: земляныя стѣны покрыты коврами, лавки вдоль стѣнъ; въ одномъ углу чудесно-украшенная, вся въ огняхъ и флажкахъ сіятельная елочка... Старый, сѣдой, могучаго роста командиръ и генералъ протянулъ мнѣ привѣтственно руку — но, что это, тяжелая, холодная, она легла въ мою и я лишь послѣ прикосновенія поняла, что это былъ «протезъ» (желѣзная искусственная рука). Георгіевскій крестикъ на его груди и эта рука указывали безъ словъ на боевое крещеніе ихъ владѣльца. Вся комната-землянка вскорѣ наполнилась веселымъ офицерствомъ; появилась музыка — духовой оркестръ и ужинъ; намъ былъ сервированъ настоящій столичный ужинъ. На углу скамьи стоялъ телефонъ и дежурный поручикъ не отходилъ отъ него. Въ оживленной и дружеской бесѣдѣ, при разливномъ море вина, вплоть до шампанскаго, летѣли часы ночи и только перезвонъ телефона — иногда водворялъ среди насъ тишину. Въ эту новогоднюю ночь никто и думать не хотѣлъ о ночной тревогѣ... Но командиръ вдругъ приказалъ въ моментъ

боя 12 часовъ — дать залпъ изъ орудій, скрытыхъ подъ землей рядомъ съ нашей землянкой, «Прицѣлъ №68, команда, пли...» крикнулъ онъ куда-то въ выходной просвѣтъ... команда была подхвачена снаружи вглубь сосѣдняго окопа и со свистомъ и грохотомъ пронесся залпъ. Однако, непріятель оставилъ его безъ отвѣта — онъ такъ и замеръ въ ночной тишинѣ. Нашъ «визитъ» былъ такъ сердечно принятъ, что трое сутокъ мы провели, какъ мигъ, въ этомъ подземномъ царствѣ. Днемъ нельзя было являться надъ землей, — ночью по коридорамъ окоповъ, мы навѣщали не одинъ постъ. Молодые офицеры и нижніе чины всячески насъ ублажали пѣснями, танцами и разсказами изъ ихъ походной жизни; былъ даже продемонстрированъ маленькій кинематографъ со сценками боевъ; мы не скучали и, со вздохомъ сожалѣнія, въ одну изъ темныхъ ночей покинули радушныхъ хозяевъ. Мы обогатились однимъ воспоминаніемъ, но въ нашемъ лазаретѣ очень волновались за насъ: казалось, а что будетъ, если въ эти ночи начнется атака или наступленіе нѣмцевъ... Ясно, что мы погибли бы...

8. ПЛОВУЧІЙ ЛАЗАРЕТЪ.

Въ началѣ марта 1917 года мнѣ надо было покинуть фронтъ ради окончанія 5 курса Харьковскаго Женскаго Медицинскаго Института. Это было время лихорадочной зубрежки днемъ и ночью: экзаминаторы, должна признаться, не были къ намъ, фронтовикамъ, придирчивы и мною послѣдній курсъ былъ законченъ въ маѣ 1917 года. Государственный экзаменъ долженъ былъ начаться мѣсяцемъ позже: но мои трудовые фронтовые заработки кончались и я предпочла отложить Государственные экзамены до осени...

И вотъ, когда въ первыхъ числахъ іюня 1917 г. я вновь была свободна отъ выпускныхъ экзаменовъ, я поѣхала въ Петроградъ съ опредѣленной цѣлью отдохнуть. Въ Петроградѣ жизнь столицы представляла большой муравейникъ. Навигація по рѣкѣ Невѣ была въ разгарѣ; я часто бродила по рѣкѣ вверхъ, любуясь загорѣлыми лицами лодочниковъ и быстрымъ теченіемъ рѣки между зеленыхъ береговъ. Пыльныя улицы мало меня прельщали — кинематографы, рестораны, лѣтніе театры такъ не соотвѣтствовали моимъ переживаніямъ прошлыхъ лѣтъ. Я собиралась ѣхать въ Финляндію для отдыха, какъ вдругъ тучи на политическомъ горизонтѣ сгустились и желѣзнодорожное сообщеніе съ Финляндіей оказалось прерваннымъ... Въ эти дни Всероссійскій Союзъ Городовъ организовалъ два пловучихъ лазарета. Эти перестроенныя БАРЖИ подъ буксиромъ Лоцманскаго Вѣдомства должны были возить раненыхъ воиновъ изъ Петрограда вверхъ по Невѣ до города Новая -Ладога. Мнѣ удалось зачислиться на должность младшаго врача при «Первомъ Пловучемъ Лазаретѣ» и я была счастлива, считая эту должность равносильной отдыху въ любой санаторіи. Поѣздки вверхъ по Невѣ съ больными и ранеными были такъ организованы, что длились 4-5 сутокъ. Обратно же насъ буксировали порожними и тогда шла чистка и мытье всего судна подъ горячими лучами лѣтняго солнца. Больные очень любили это краткое путешествіе, но имъ вовсе не нравилось застрять въ глуши Новой - Ладоги на 2-3 мѣсяца.

9. ПЕРЕВОРОТЪ.

Въ Петроградѣ волненія массъ и безпорядки стали брать верхъ надъ существующимъ строемъ. Въ одинъ

изъ дней нагрузки нашей баржи ранеными произошелъ кризисъ власти... изъ «Дворца Кшесинской», черезъ наши головы летѣли снаряды, трещали пулеметы. Мы, на борту деревяннаго суденышка, испытывали не мало тревожныхъ минутъ: казалось, попади хоть одинъ снарядъ — и мы бы утонули. По набережной мчались грузовики, вооруженные пулеметами и шалымъ, революцiоннымъ людомъ; не обошлось и безъ крупной стычки у калитки Лѣтняго Сада между рабочими массами и конными казаками. Но мы получили приказъ — не участвовать въ перестрѣлкахъ и общей суматохѣ... Мы были лишь нѣмыми зрителями революцiонной вспышки народныхъ массъ...

Къ нашему судовому мостику подбѣжали изъ толпы 5 человѣкъ революцiонеровъ: они вбѣжали на судно и спрятались подъ скамейкой въ каютѣ. Ихъ лица были искажены, дыханiе прерывистое, а глаза метали искры — моментально подъѣхали верховые казаки и одинъ изъ нихъ, угрожающе размахивая обнаженной шашкой надъ головой, гарцуя на конѣ, потребовалъ выдачи «трусовъ». Мы, персоналъ, передъ нимъ молча стояли въ дверяхъ каюты: тогда десятокъ казаковъ спѣшились, вбѣжали на мостки, ринулись въ каюту и пинками, прикладами выволокли спрятавшихся. Поднялась рукопашная свалка, мостки гнулись и скрипѣли, но все-же всѣ живой массой, лавой выкатились на мостовую и тутъ со стороны казаковъ посыпались всѣмъ взводомъ удары нагаекъ, шашекъ; изъ пятерыхъ, только одинъ ускользнулъ подъ мостъ набережной, остальные легли, обливаясь кровью, подъ ноги гарцующихъ лошадей.

10. НА СѢВЕРНЫЙ ФРОНТЪ.

Близилась осень и предстояла ликвидація Пловучаго лазарета. Проникли слухи о смертоносномъ боѣ подъ Ригой на Сѣверномъ фронтѣ. По слухамъ, наши войска потерпѣли пораженіе и отошли за Ригу... говорилось о томъ, что 40 врачей погибли въ этомъ сраженіи... Тогда я покинула Пловучій лазаретъ, предоставивъ его ликвидацію Главному врачу, и срочно выѣхала въ городъ Псковъ, гдѣ приняла новое назначеніе на должность Старшаго врача 18-го передового отряда при 12-ой Арміи.

Мой передовой отрядъ только-что потерялъ въ бою подъ Ригой часть своего персонала; теперь онъ оказался состоящимъ изъ 120 повозокъ Кр. Креста, съ лошадьми и персоналомъ, переутомленнымъ въ бою. Вмѣсто жизни въ повозкахъ, я организовала лазаретъ на 50 кроватей въ имѣніи «Идзель», и, понемногу, порядокъ былъ водворенъ въ немъ. Настала зима, бои перешли въ полосу позиціонной войны... мы ожидали спокойной и планомѣрной работы по санитаріи... Мой рабочій день складывался такъ, что съ 7 час. утра я ходила въ обходъ больныхъ; въ 9 час. утра шли очередныя перевязки и мелкія операціи; въ 12 час. дня я усаживалась въ колымагу для объѣзда больныхъ крестьянъ, при чемъ цугомъ за мною тянулись порожнія сани изъ сосѣднихъ деревень. Послѣ каждаго визита въ деревнѣ, я мѣняла сани и лошадей — до слѣдующей деревни и частенько возвращалась домой лишь къ 5-6 час. веч. къ обѣду. По всей округѣ господствовала эпидемія дезинтеріи! Въ 7 час. наступалъ вечерній обходъ больныхъ, а въ 10 час. тушились огни во всѣхъ комнатахъ, исключая лампадокъ въ

каждой палатѣ... Но революціонныя вспышки Петрограда разбушевались безъ удержу и, какъ извѣстно, повели къ печальному для Царя концу... Въ арміи на моихъ глазахъ сдирали погоны съ офицерства... реорганизація арміи, митинги и прочія нововведенія быстро проникали въ строй; нашъ лазаретъ еще держался по инерціи въ полномъ составѣ, когда къ намъ неожиданно явился съ визитомъ нѣмецкій командиръ корпуса. Какъ сейчасъ помню впечатлѣніе его пріѣзда на моихъ санитаровъ — ироническая усмѣшка не сходила съ лица солдатъ и офицеровъ. Но нѣмцы держали себя отмѣнно — аккуратно. Самъ генералъ, скидывая роскошную шубу съ плечъ, не безъ бахвальства намъ похвасталъ тѣмъ, что эта шуба была не такъ давно на плечахъ нашего бывшаго Военнаго Министра, генерала Куропаткина... Что было намъ отвѣтить— поздравить его съ обновкой?.. Мы уже знали, что не только генералъ Куропаткинъ смѣщенъ, а и кое-кто еще важнѣе... На мое счастіе, нѣмцы лишь 2 часа у насъ топтались. Я ясно видѣла, какъ у команды руки чесались отъ желанія «по-свойски» расправиться съ бывшимъ врагомъ...

Но дни бѣжали за днями... разруха арміи шла полнымъ темпо: штабъ нашей арміи готовился распылиться въ прахъ, и мы были почти заброшены всякимъ начальствомъ. Гражданская война смѣнила окончательно военную...

11. РАЗБОЙНИКИ НА ФРОНТѢ.

Наступилъ январь 1918 года. Я поѣхала на лошадяхъ въ городъ Валкъ за деньгами для отряда. Больше 60 верстъ, по заглохшему лѣсу, черезъ покинутыя

селенія, деревни, я ѣхала одна съ кучеромъ въ глухую ночь. Трудно передать чувство безотрадности при видѣ разрухи когда-то заселенныхъ мѣстъ. Чувство страха и одиночества мнѣ были чужды, но тоска о фактѣ жизни столь ясно овладѣла мною, что тихое мурлыканіе кучера и равномѣрный бѣгъ лошадей меня вогнали въ слезы объ убіенныхъ въ этихъ глухихъ мѣстахъ... Когда мы доѣхали до города Валка, начало свѣтать и на душѣ тоже стало свѣтлѣе. Обычная сутолочь въ Управленіи скоро и меня втянула, и черезъ сутки, добившись денегъ для отряда, я ѣхала обратно по той-же дорогѣ, но безъ удрученія. Велико было мое удивленіе, когда, вмѣсто фельдшера, меня у подъѣзда лазарета встрѣтили четверо мужиковъ, въ лаптяхъ и овчинныхъ тулупахъ. Они мнѣ заявили, что лазаретъ находится въ ихъ плѣну, а они — отрядъ дезертировъ, проще говоря, фронтовыхъ разбойниковъ... Тутъ-же, не давъ мнѣ раздѣться, повели къ своему начальнику. Представьте себѣ комнату, гдѣ внѣдрились 50-60 человѣкъ безъ рода и племени, безъ партійныхъ лозунговъ или политической программы. Ни чуть не смущаясь ихъ нахальными лицами, я гаркнула: «Здорово, ребята! Зачѣмъ вы здѣсь»?.. Общее гоготаніе посыпалось мнѣ въ отвѣтъ, но это меня не смутило. «Здѣсь, братцы, лазаретъ, а вы,— я вижу , здоровики». Тогда началась между нами бесѣда въ довольно грубой формѣ; мнѣ удалось понять, что эти дѣтища фронтовой разрухи имѣли въ виду уходить въ тылъ, въ деревню, но по пути они рѣшили передохнуть, выспаться и «погостить» немного. Противъ столь мирнаго желанія дезертировъ я была, вообще говоря, безсильна, тѣмъ болѣе, что телефонъ, соединявшій меня со штабомъ, былъ разбойниками

предусмотрительно перерѣзанъ, и я предпочла имъ не возражать. «Ну и ладно, отдыхайте съ миромъ», сказала я и спокойно ушла въ мою комнату. Позднѣе я узнала, что за сопротивленіе ихъ внѣдренію фельдшеръ былъ ими жестоко избитъ и что и мнѣ грозила серьезная опасность расправы. Дѣйствительно, недѣлю спустя, мой лазаретъ былъ ими оставленъ ночью и ничего ими не было украдено у насъ. Лазаретная жизнь была ими нарушена. Внѣдрившись въ лазаретъ, они, оказывается, отправили всѣхъ больныхъ на повозкахъ въ городъ Лемзаль, а сами развалились на койкахъ раненыхъ. Послѣ ихъ отъѣзда ко мнѣ въ отрядъ примчался вѣстовой съ запросомъ изъ штаба арміи о томъ, живы-ли мы, и много-ли у насъ попорчено разбойниками. Я послала лаконическій отвѣтъ начальнику Штаба полк. С—ву: «на Шипкѣ все спокойно — присылайте больныхъ и раненыхъ, могу ихъ вновь принять».

12. ЭТАПЪ ФРОНТОВОЙ РАЗРУХИ.

На этотъ разъ лазаретная жизнь не на долго была возстановлена. Раненые прибывали въ полузамерзшемъ состояніи, одни эшелоны смѣнялись другими. Меня лично опять вызвали въ городъ Валкъ. Тамъ, въ этомъ крохотномъ городѣ, волна революціи тоже вошла во всѣ учрежденія. Ожидалось новое свирѣпое наступленіе нѣмцевъ, а братаніе арміи съ непріятелемъ не обѣщало вовсе успѣха битвы. Самъ Раіонный врачъ др. Блосфельдъ въ одну изъ беззвѣздныхъ ночей умчался въ сопровожденіи сестры милосердія къ передовому посту нѣмцевъ и сдался имъ въ руки. Мнѣ, которую онъ, послѣ выборовъ, приказомъ по арміи, назначилъ своимъ замѣстителемъ, пришлось пе-

ренести всѣ ужасы отступленія... Событія смѣнялись съ головокружительной спѣшностью, и вечеромъ никто не зналъ, что его можетъ ожидать на слѣдующій день. Военное начальство, штабъ арміи и проч. пробирались черезъ Валкъ на югъ Россіи... подъ разными предлогами; армія, лишенная прямыхъ начальниковъ, ублажала себя сходками, рѣчами главарей революціонной партіи и выборное начало вступило въ свои права. Но наше санитарное Управленіе еще держалось. Безъ руководства изъ центра, оно жило своей жизнью — распредѣлительный пунктъ усиленно кормилъ проходящіе эшелоны, но такъ долго продолжаться не могло.

13. ОТСТУПЛЕНІЕ САНИТАРН. ЧАСТЕЙ 12-ОЙ АРМІИ.

Сѣверный фронтъ дрогнулъ и... отступилъ. Нѣмцы тѣснили... Въ должности Раіоннаго врача 12-ой арміи подъ Ригой на русскомъ фронтѣ и какъ членъ Верховнаго Санитарнаго Совѣта — я находилась во главѣ Управленія въ гор. Валкѣ. Военно-санитарныя части были мною срочно стянуты къ этому городу и за двое-трое сутокъ отряды подходили въ свернутомъ порядкѣ. Лично распоряжаясь «отступленіемъ» санитарныхъ частей, я отдавала приказъ — бѣжать по шоссе къ городу Пскову и, «въ случаѣ упорнаго преслѣдованія нѣмцевъ, добѣжать до города Рыбинска на Волгѣ».—«Чуть не за Волгу»—слышались возмущенные возгласы, но фронтовая дисциплина не допускала возраженій... Отряды мчались, повозки гремѣли, а люди оглядывали другъ друга растерянными взглядами и плотнѣй кутались въ полушубки. Управленіе отступило въ концѣ января 1918 года. Зданіе опустѣло... отвинченныя электрическія лампочки во всѣхъ комна-

тахъ говорили о томъ, что и ихъ хотѣли-было захватить съ собою, но не до нихъ, видно, было... Проходя по комнатамъ, гдѣ на письменныхъ столахъ валялись окурки, перья, клочья недописанныхъ приказовъ, я невольно остановилась у телефоннаго аппарата въ бывшей моей пріемной, сорвала со стѣны когда-то нужный списокъ номеровъ и — позвонила... Мнѣ хотѣлось знать, дошли-ли нѣмцы уже до города Вольмара, столь близкаго къ г. Валку, куда ½ часа тому назадъ еще доносились мои распоряженія; я получила сдавленнымъ голосомъ отвѣтъ телефонистки: «Сообщенія прерваны, нѣмцы входятъ въ городъ, мы погибли... Господи, помилуй и спаси». Въ сердцахъ я сорвала весь аппаратъ со стѣны и... грустно опустивъ голову, вышла на крыльцо. Тамъ, въ большомъ волненіи, ждалъ меня санитаръ — юноша, лѣтъ шестнадцати, съ парой гнѣдыхъ и санями; кругомъ ни души, все замерло. Блѣдное лицо санитара было какъ-то скошено въ гримасу ужаса, а глаза глядѣли на меня со страхомъ и упреками: «Докторъ, ради Бога, ѣдемте, иначе мы погибли, мы же — послѣдніе!..» воскликнулъ онъ. Я чувствовала всѣми фибрами моей души, что онъ правъ; но мнѣ такъ-же было ясно, что на этой парѣ гнѣдыхъ намъ не спастись. Крѣпко прижавъ портфель съ казенными бумагами къ груди, я громко сказала: «Другъ мой, городъ Вольмаръ занятъ нѣмцами въ полчаса разстоянія отъ насъ; вези на станцію, хоть на паровозѣ умчимся, иначе-же мы съ тобою навѣрняка погибли». Санитаръ моментально погналъ лошадей, и я отдалась размышленіямъ о вѣроятныхъ сценкахъ въ городѣ Вольмарѣ въ эти минуты... Намъ повезло — инженеры готовились отъѣхать, дабы по пути слѣдованія взрывать мосты. Они меня спѣшно подхвати-

ли на поѣздъ, а санитаръ вскарабкался самъ, поминутно крестясь и благословляя вслухъ нашу счастливую звѣзду. Поѣздъ немедленно тронулся... Черезъ трое сутокъ почти безпрерывной ѣзды, минуя городъ Юрьевъ, Петроградъ и проч., я доѣхала до города Рыбинска, гдѣ вновь спокойно принимала доклады и депеши Военнаго Начальства. — Были свѣдѣнія изъ г. Пскова о томъ, что — всѣ санитарныя части 12-ой арміи на 15-ой верстѣ подъ Псковомъ были настигнуты нѣмцемъ... Грустно, печально, но и понятно — непріятель не дремлетъ никогда...

14. ВЪ ГОРОДѢ РЫБИНСКѢ. НА ЮГЪ!

Въ городѣ Рыбинскѣ на Волгѣ потянулись для меня мирные дни. Ежедневная суетность, спѣшка въ Санитарномъ управленіи отнимало много времени — занятія начинались съ 9-ти часовъ утра и часто, включая засѣданія, кончались за полночь. Но такъ какъ съ фронта теперь уже прибѣгали полуголодные бѣженцы, то работа въ Управленіи стала на путь благотворительности по отношенію къ бѣженцамъ. Было создано подъ моимъ руководствомъ «бюро труда медицинскихъ работниковъ» и «ликвидаціонное бюро медперсонала». Возникли концерты, лекціи профессора Заболотнаго — о чумѣ и пребываніи профессора З. въ Сибири и проч. На собранныя деньги строились бараки, гдѣ сотни голодныхъ и «бывшихъ» людей находили временный пріютъ. Но не было главнаго, не было подъема духа въ работѣ, не было радости побѣдъ — одно сплошное удрученіе и сознаніе погибели страны. Однако, каждый еще дѣлалъ свое дѣло по мѣрѣ силъ. Бѣжали дни... Къ веснѣ изъ Москвы проникли слухи и новыя вѣсти — народъ волновался,

борьба политическихъ партій ярко проявляла свои права на власть... Наши санитарныя засѣданія приняли обликъ митинговъ, протестовъ... Начались уличныя побоища тоже и въ Рыбинскѣ, этомъ Волжскомъ центрѣ торговли. Санитарное Управленіе было наканунѣ развала — младшая братія начала верховодить. Тогда, предвидя полный крахъ Учрежденія и невозможность какой-то то ни было планомѣрной работы, я рѣшилась срочно выйти въ отставку. Подавъ рапортъ о смертельной болѣзни сестры въ Крыму, я рѣшилась ѣхать на югъ. Мой санитаръ, тоже удрученный возникшей разрухой, просилъ взять его съ собою, дабы пробраться до города Кіева, къ его родной семьѣ. Мы собрались въ 3 дня и двинулись вдвоемъ на югъ. Это было очень опасно. Когда мы въ поѣздѣ проѣхали безпрепятственно до города Воронежа, намъ тамъ встрѣтилась толпа бѣженцевъ, не получившихъ разрѣшенія на продолженіе пути. Сообщеніе по желѣзной дорогѣ было прервано: впереди были отряды «красныхъ», а дальше на югъ—нѣмцы, заполонившіе Украину вплоть до Дона... Желѣзнодорожное начальство бродило по вокзалу города Воронежа, разводя руками передъ неизвѣстностью положенія, и отказывалось давать публикѣ разъясненія. Оно, вѣроятно, само было неувѣрено въ завтрашнемъ днѣ... Но вотъ, если говорится, что стрѣлочникъ виноватъ, то я скажу, что тотъ-же стрѣлочникъ часто болѣе свѣдущъ, чѣмъ начальникъ станціи. Дежурный стрѣлочникъ выручилъ меня — онъ проговорился, что въ 5 часовъ утра уйдетъ поѣздъ на югъ съ дровами и рабочими съ запаснаго пути. Это указаніе было для меня достаточно: въ ночную тьму и тишину мы съ санитаромъ преспокойно «закопались» среди дровъ одного изъ вагоновъ

на указанномъ пути и тише мышей дождались отхода поѣзда съ хаотической станціи Воронежъ. Когда поѣздъ на разсвѣтѣ тронулся, мы перекрестились и молча улыбнулись другъ-другу: мы теперь отдѣлились отъ толпы бѣженцевъ хотя бы и хитростью, не все ли равно, лишь бы впередъ — на югъ...

15. ЭПИЗОДЪ НА СТАНЦІИ.

Когда поѣздъ остановился въ 6 часовъ утра у какой-то станціи и водворился порядокъ послѣ высадки рабочихъ, мы выползли изъ нашей лазейки, и я прямо пошла на станцію, ожидая встрѣтить начальника... но нѣтъ... онъ исчезъ и вмѣсто него распоряжался «красный комиссаръ». Какъ будто такъ и слѣдовало, я его остановила за пуговицу тужурки и на его удивленный возгласъ: «Вы откуда взялись»? спокойно и лаконично отвѣтила: «изъ-подъ дровъ, товарищъ-комиссаръ; мнѣ нужно ѣхать до слѣдующей станціи; я врачъ и хирургъ, меня ждутъ для операціи. Скажите мнѣ, на чемъ мнѣ дальше двинуться на югъ». Измѣривъ недовѣрчивымъ взглядомъ мой фронтовой походный костюмъ—френчъ, юбка, высокіе сапоги и докторскій значекъ на правой сторонѣ груди, комиссаръ изрекъ: «если вы взаправду врачъ, товарищъ, то вы мнѣ судьбой посланы; идемте-же скорѣе, осмотрите мою невѣсту, она больна и очень измучена. Кстати, если ей поможете, то и чайкомъ угощу», добавилъ онъ добродушно. «Невѣста» оказалась обыкновенной бой-бабой съ «грѣшкомъ». Осмотръ ея тѣла занялъ не больше получаса, а ея заботливая «мамаша» торопилась угостить комиссара и меня чайкомъ. Подозвавъ санитара, я и его отогрѣла у домашняго очага новаго начальства. Этотъ узурпаторъ власти намъ не

былъ страшнѣе ягненка. Сытые и обогрѣтые, мы просили дать намъ проѣздъ и пропускъ дальше: комиссаръ такъ былъ любезенъ, что распорядился дать вагонъ II класса и паровозъ до конца его района. Чего же лучше! спасибо ему. Подъѣзжая къ новой станціи подъ краснымъ флагомъ паровоза, я храбро кивнула новому комиссару, который почтительно встрѣтилъ насъ, воображая, вѣроятно, что мы по «особому распоряженію» прибыли къ нему. Но онъ не могъ насъ пропустить дальше за отсутствіемъ перевозочныхъ средствъ. Нашъ паровозъ и вагонъ отошли назадъ — обратно, и мы застряли безъ провизіи до вечера. Здѣсь, въ зонѣ красныхъ, никому и въ голову не приходило спросить мой паспортъ. Мой санитаръ зналъ мое иностранное подданство и графскій титулъ и ужасно за меня волновался, но говорится же «смѣлымъ Богъ владѣетъ»...

16. ПРОСЛѢДОВАНІЕ НА ЮГЪ.

Не буду многословна о подробностяхъ дальнѣйшаго пути — на броневикахъ красныхъ. Мой лозунгъ при перемѣнѣ поѣздовъ и комиссаровъ былъ всегда одинъ на всѣ вопросы: «мы ѣдемъ оперировать до слѣдующей станціи: пропустите, товарищъ, въ срочномъ порядкѣ»... Иногда команда бронепоѣздовъ кормила насъ горячей солдатской пищей изъ общаго котла... мылись мы подъ паровозами, а спали нерѣдко по-очереди, то на станціонныхъ шкапахъ, то на вшивыхъ койкахъ команды... Однимъ словомъ, мы не голодали, не холодали, а по черепашьему терпѣливо и упорно двигались на югъ. Станціи были въ очень запущенномъ видѣ — революціонный хаосъ и безначаліе на каждомъ шагу давали себя знать и чувствовать. Руч-

ныя бомбы внушали къ себѣ нѣкоторое почтеніе, въ особенности, когда оказывались въ рукахъ пьяныхъ солдатъ... Бывало въ пути не мало неизгладимыхъ изъ памяти сценъ насилій, разбоя... о коихъ писать непристойно... Однимъ словомъ, на восемнадцатый день я почувствовала упадокъ силъ. Захотѣлось домашняго уюта, тишины, покоя. Тогда я рѣшила отдохнуть на ближайшей станціи: поѣздъ мчался къ станціи Кантемировка. Но — странно — команда броневика начала нервно готовиться къ бою... съ кѣмъ-же?.. Чистка ружей и револьверовъ... молчаливыя возбужденныя лица... сперва я понять не могла, что за причина? Пришлось выпытать у одного изъ солдатъ въ чемъ было дѣло. Оказалось — за Кантемировкой — нѣмцы... съ Украины... опять нѣмцы передо мною... вотъ пролазы!.. думалось мнѣ и неспокойно стало на душѣ. Не желая вовсе оказаться въ плѣну въ случаѣ неудачи предстоящей стычки, я съ санитаромъ спрыгнули съ поѣзда до его остановки у станціи и спѣшно, пользуясь сумерками, побѣжали разыскивать постоялый дворъ. Была пасхальная ночь 1918 года, а мы вдвоемъ, заброшенные судьбою песчинки, засѣли подъ навѣсомъ на постояломъ дворѣ, гдѣ и ждали разсвѣта почти подъ открытымъ небомъ. А вдали гудѣлъ нашъ бронепоѣздъ, помчавшійся навстрѣчу нѣмцу... Наутро хозяйка насъ впустила въ домъ и я, напившись горячаго чаю, легла спать. Я устала — только теперь я это чувствовала, лежа на жесткой кровати... и проспала двое сутокъ безпробудно-тяжелымъ сномъ.

17. ВЪ СЕЛѢ «КАНТЕМИРОВКА».

На третье утро хозяйка и санитаръ рѣшили меня разбудить. За истекшіе двое сутокъ они натерпѣлись страху — нѣмцы прогнали обратно на сѣверъ бронированные поѣзда большевиковъ; были бои, были и жертвы... станція и село Кантемировка были заняты нѣмцами. Водворяясь въ селѣ, они перевѣшали заправилъ; занимая путь желѣзной дороги, они въ щеп-ки уничтожили одинъ красный бронепоѣздъ, а коекого изъ команды взяли въ плѣнъ...

Разбуженная стукотней хозяйки и санитара, я приняла ихъ сбивчивый докладъ о событіяхъ. Но, когда я развернула ставни окна моей комнаты и увидѣла на площади нѣсколько висѣлицъ передо мною, тогда я вздрогнула съ головы до ногъ... Ради какой идеи погибли эти граждане? Ради набора урожая — пришельцами?.. — Жизнь отдали, защищая свой трудъ надъ хлѣбомъ! — Жизнь! — Хлѣбъ-же забрали — не посѣявшіе его — иностранцы! — Гдѣ справедливость? въ чемъ-же залогъ мира? Или подобныя жертвы нужны для порабощенія террора, или чтобы смириться? Я была во власти сомнѣній... Но солнце ярко освѣщало землю — оно не померкло отъ печальныхъ фактовъ жизни. «А мнѣ хоть бы что...» дерзко смѣялось оно съ высоты... Я захлопнула ставни и велѣла подать самоваръ. За горячимъ самоваромъ хозяйка разболталась: въ сосѣднемъ домѣ остановились германскіе офицеры у латыша-купца. Тамъ празднуютъ русскую Пасху и, узнавъ у болтливой хозяйки обо мнѣ, пригласили пожаловать «разгавливаться». «А мнѣ хоть-бы что»... промелькнуло въ головѣ и я отвѣтила, что буду у нихъ въ 4 часа дня.

Солнышко, радость моя, какъ велика твоя премудрость — законы земли тебѣ ни-по-чемъ, покорная законамъ небеснымъ... но ты, ты царствуешь на небеси, — я-же мытарствую на земли...

Въ условленный часъ я пошла разгавливаться отъ длиннаго поста въ дорогѣ и чудится мнѣ, что ни разу въ жизни сырная пасха не была такъ вкусна, какъ въ этотъ часъ невзгодъ, лишеній и страховъ. Нѣмцы были очень корректны — одинъ изъ нихъ вызвался меня представить коменданту и помочь получить отъ него пропускъ на югъ. И дѣйствительно, на слѣдующій день комендантъ принялъ меня внѣ очереди: узнавъ по паспорту мою зычную фамилію, онъ далъ мнѣ военный пропускъ до города Керчи и, вотъ иронія судьбы, отдѣльный паровозъ и вагонъ II класса до конца его района, то есть, до города Таганрога. Мой санитаръ, укладывая вещи на слѣдующій день въ вагонъ II класса, съ трудомъ вѣрилъ такому счастью и все приговаривалъ: «вотъ чудеса въ рѣшетѣ: ну и подъ счастливой звѣздой Вы должно-что родились, докторъ; въ жизни-бы не повѣрилъ, кабы самъ не пережилъ вмѣстѣ съ Вами всѣ превратности нашего путешествія».

Нѣтъ нужды добавить, что по всему пути слѣдованія, нѣмцы насъ нигдѣ не задерживали и нашимъ мытарствамъ близился конецъ. На станціи Мелитополь я съ денщикомъ распрощались — поцѣловались крѣпко — какъ родные: онъ уѣхалъ въ сторону города Кіева, а я въ городъ Керчь, гдѣ благополучно застала мою дорогую, больную сестру...

Часть вторая.

18. НѢМЕЦКАЯ КОМЕНДАТУРА ВЪ КРЫМУ.

Въ городѣ Керчи властвовала нѣмецкая комендатура — два пулемета у подъѣзда коменданта; усиленный караулъ съ ручными бомбами, помимо ружья и и шашки, — говорили народу, ярче всякихъ словъ, что съ властью на мѣстахъ шутки плохи. Кто бывалъ хоть разъ въ жизни въ этомъ богоспасаемомъ городишкѣ, тотъ вспомнитъ съ улыбкой снисхожденія прежнихъ властителей города. Но 1918 годъ шутокъ и улыбокъ не признавалъ: регистраціи, допросы, аресты, разстрѣлы... такъ быстро смѣняли другъ друга, что не было времени ни до смѣха, ни до шутокъ... Но порядокъ, даже новая зараза типа «нѣмецкой аккуратности» вдругъ воцарились тамъ, гдѣ еще недавно «гармошка» безпечно играла и людишки подплясывали просто по тротуару съ веселымъ присвистомъ и гиканьемъ... Какъ будто прошли вѣка... чистота и порядокъ и «ганс практиш унд экономиш» — стали ходячей поговоркой среди населенія. Понемногу функціонировали аптека, булочная, мясная и проч.

Нѣмецкія бумажныя деньги смѣнили звонкій царскій рубль, но никто не роптал, благо поѣзда функ-

ціонировали, телефонъ, почта, телеграфъ — нѣтъ, шалишь, вовсе не для всѣхъ — только для власть имущихъ... Военная привилегія, или, привилегія побѣдителя проявлялась на каждомъ шагу... только навигація вовсе заглохла.

Въ походномъ мундирѣ врача съ фронта я тоже представилась коменданту, и мое знаніе нѣмецкаго языка пригодилось: я стала просить открыть навигацію по Черному морю — въ сторону города Ялты. — «Это невозможно» — «еще не время», — «ни одно судно не въ порядкѣ» — посыпалось мнѣ въ отвѣтъ, но я была настойчива. Мною руководило твердое желаніе перевести мою дорогую больную сестру въ лоно красавицы-Ялты, и когда я увидѣла, что просьбы не дѣйствуютъ на коменданта, я таинственно ему сообщила на-ухо, что «престижъ» его власти на сушѣ требуетъ того-же на морѣ. Городъ Керчь считался морской крѣпостью, и отъ этого города должна исходить власть нѣмцевъ надъ моремъ. Моя хитрость удалась; самолюбіе властелина было тронуто и тутъ-же былъ призванъ бывшій начальникъ порта... Черезъ двѣ недѣли отходилъ первый пароходъ въ городъ Ялту, причемъ пассажирами были только сестра съ мужемъ и дѣтьми да я и мой знакомый — князь Трубецкой (бывшій командиръ Свеаборгскаго пѣхотнаго полка), котораго я узнала среди провожавшихъ... Князь былъ въ штатскомъ, почти безъ вещей и подъ чужимъ паспортомъ пробирался въ Болгарію... Наше судно, небольшой лоцманскій пароходикъ, особаго довѣрія не внушалъ къ себѣ. Проба машины — вотъ лозунгъ нашей поѣздки. Но я была счастлива сознаніемъ, что везу сестру къ хорошимъ спеціалистамъ по туберкулезу и въ идеально-чистый воздухъ Ялтинскихъ

горъ. Бури не было и ровно въ полночь мы подошли къ городу Ялтѣ. Тамъ тоже властвовали нѣмцы...

19. ВЪ ГОРОДѢ ЯЛТѢ.

При лунномъ свѣтѣ кто не видалъ красавицы-Ялты?! Заколдованое царство-государство... Аккуратность новыхъ властелиновъ дала намъ, пассажирамъ, возможность сойти на берегъ — благо, что пропуски нѣмецкой комендатуры изъ города Керчи были въ полномъ порядкѣ. Намъ не хотѣлось останавливаться въ городѣ, гдѣ всегда шумно и пыльно, и мы, нанявъ фургонъ для вещей, двинулись въ горы, за деревней Дерекой, гдѣ находился заброшенный участокъ и домъ семьи Бакуниныхъ. Здѣсь когда-то жилъ докторъ Бакунинъ, братъ знаменитаго революціонера; онъ и его жена, Наталія Семеновна, говорятъ, были добрѣйшими людьми, идеалистами — и мирно, въ тиши лѣса, прожили вдвоемъ не одинъ десятокъ лѣтъ. Ихъ двухъэтажный небольшой каменный домъ былъ теперь заброшенъ... дорожки заросли травой; внутри дома мебель была покрыта ворохомъ пыли; только въ концѣ сада среди кустовъ сирени, акаціи, жимолости и сосенъ ютился православный склепъ съ неугасимой лампадой, и чья-то преданная рука заботливо прибирала этотъ забытый міромъ уголокъ... Была весна — природа пробуждалась, ручейки срывали всѣ преграды зимы; каждый день, залитый солнцемъ юга, творилъ и создавалъ расцвѣтъ...

Природа изумительно-хороша весной въ Крыму... Съ каждымъ днемъ здоровье моей сестры улучшалось; ея дѣти крѣпли и, казалось, что вся семья попала въ рай, гдѣ нѣтъ мѣста грѣховностямъ земли. Подъ протекторатомъ нѣмцевъ сглаживались для обы-

вателя всѣ страхи «перваго большевизма» въ Крыму... Но народъ сугубо и угрюмо молчалъ... онъ на своей шкурѣ продолжалъ испытывать «иноземное иго», чудовищный аппетитъ реквизиторовъ... Реквизировалось все — хлѣбъ, скотъ, имущество, — всего не перечислить. Пошли въ народѣ толки о томъ, что лучше переносить свою родную «азіатчину», чѣмъ терпѣть иноземное иго...

20. МОЛЕБЕНЪ ВЪ СОБОРѢ ГОРОДА ЯЛТЫ.

Во время пребыванія нѣмцевъ въ Ялтѣ произошелъ эпизодъ, который для меня до сихъ поръ непонятенъ... Императрица Марія Ѳеодоровна, которая при первыхъ большевикахъ пользовалась полной симпатіей татаръ и только должна была значительно упростить свою личную жизнь и обстановку — при нѣмцахъ позволила себѣ назначить панихиду въ главномъ соборѣ города Ялты по Императорѣ Николаѣ II — и Его Семьѣ. Многое множество народу собралось передъ церковью; — внутри же было просторно. Началось обычное воскресное богослуженіе; оно продолжалось безпрепятственно. Затѣмъ приступили къ панихидѣ — вдругъ входитъ высокій нѣмецкій офицеръ, очень почтительно подходитъ къ Императрицѣ и что-то ей шепчетъ на-ухо... Императрица останавливаетъ мановеніемъ руки священника на полусловѣ — затѣмъ обращается ко всѣмъ присутствующимъ со словами: «Панихиду по живымъ не служатъ», и, потупивъ взоръ, медленно выходитъ изъ собора. — Церемонія была прервана... Ясно и отчетливо прозвучалъ ея тихій голосъ, а сколько не-

сбыточныхъ надеждъ онъ тогда вселилъ въ группу молящихся!..

Я провожала грустнымъ взглядомъ Ея Величество — мнѣ ярко вспомнился тотъ день, для меня незабвенный, когда, въ далекой Финляндіи, въ бытность мою «Инспекторомъ» спасательныхъ станцій Свеаборгскаго Округа Императорскаго Россійскаго Общества спасанія на водахъ, когда мнѣ было лишь 23 года, я получила Высочайшій Рескриптъ со словами: — «Рада видѣть Васъ на службѣ великаго дѣла» за собственноручною подписью Ея Величества... Сколько воды утекло съ тѣхъ поръ, сколько грезъ кануло въ вѣчность...

«Въ прошедшемъ памятей такъ много,
Въ грядущемъ только счастья нѣтъ».

Длительное пребываніе нѣмцевъ въ Крыму — дало возможность русскимъ патріотамъ сорганизоваться; по всей Россіи тогда уже возникали добровольческія организаціи: въ Сибири — адмиралъ Колчакъ, на югѣ Россіи — Деникинцы, Врангелевцы, и прочіе союзы стояли во главѣ движенія преданныхъ царизму элементовъ. Что оставалось дѣлать нѣмцамъ на Руси?!

Богатая военная добыча облагодѣтельствовала всю Германію — и вотъ нѣмцы почли за благо передать всю власть Юга въ руки Добровольческой братіи — безъ боя, безъ кровопролитій...

21. ДОБРОВОЛЬЦЫ ВЪ ЯЛТѢ.

Новая администрація въ городѣ Ялтѣ — добровольцы, все молодые, энергичные люди, внесли въ

мѣстную жизнь большое оживленіе. Съ одной стороны, возникали концертныя и театральныя зрѣлища, пикники, балы и благотворительныя лотереи, возникали благотворительные концерты имени Деникина, Корнилова и проч. на благо раненыхъ воиновъ; но съ другой стороны, рядомъ съ широкой благотворительностью шла упорная подпольная борьба противъ крамолы большевиковъ, коммунистовъ и анархистовъ... безпощадно вѣшались, разстрѣливались или пытали — сѣкли розгами по пяткамъ — отдѣльныхъ лицъ общественнаго движенія. Мѣстное населеніе, татары, зарывались къ себѣ въ горы; они изрѣдка спускались въ долину для мирной торговли фруктами, брынзой и проч. Какъ врачъ, я часто навѣщала татарскіе дворы; ихъ нравы и обычаи свято сохраняли преданья старины. Броженіе умовъ въ долинѣ докатывалось въ горы въ видѣ слуховъ, сплетенъ. Но хладнокровіе татаръ было непроницаемо. Попрежнему они хоронили своихъ собратьевъ, подъ монотонное пѣніе хора, въ позѣ полусидячаго человѣка; попрежнему, при обрядѣ вѣнчанія, женихъ долженъ былъ лично брить свою жену передъ брачной ночью... ничто, ничто въ мірѣ не допускало сдѣлокъ съ Кораномъ... дѣтямъ Аллаха было ясно ничтожество мірской суеты, какъ солнцу. Я лично почерпнула много стойкости отъ моего общенія съ татарами; но ихъ хитрости были мнѣ часто не по душѣ. Мѣры управленія административнаго характера при добровольцахъ дали возможность нашему медицинскому міру прочно развить свою дѣятельность.

Довольно скоро послѣ водворенія добровольцевъ я получила хорошую должность старшаго ординатора

при лазаретѣ Краснаго Креста и могла взять къ себѣ въ лазаретъ мою болящую сестру, которой суждено было прожить со мною еще лишь четыре мѣсяца. Въ тяжелой борьбѣ съ ея недугомъ я была безсильна побѣдить его. Ея повышенная индивидуальная чуткость давала ей силу ясновидѣнія и, несмотря на всю мишуру добровольческой власти, она предсказывала неминуемый крахъ этого правленія. Еще въ іюлѣ 1920 г. она мнѣ говорила: «Я вижу ясно: придутъ большевики — сколько крови, сколько жертвъ... Но ты, Софочка, не бойся... ты увидишь Финляндію! Финляндія!» и въ изнеможеніи отъ ясновидѣнія она закрывала глаза рукой и тихо стонала... Какъ часто впослѣдствіи я вспоминала эти незабвенныя правдивыя минуты. Дни бѣжали за днями, событія смѣнялись перемѣннымъ счастіемъ на полѣ брани. Съ сѣвера все больше и больше стягивались отряды большевиковъ... у Перекопа готовилось рѣшающее сраженіе. Махно... Кто изъ добровольцевъ не помнитъ это имя? На почвѣ лозунга «земли и воли», этотъ младенецъ русской революціи вообразилъ себя всемогущимъ владыкой земли и воли русскаго крестьянства.

22. ЧЕРЕЗЪ РАЙОНЪ ДѢЙСТВІЙ МАХНО.

Гдѣ ему! Я должна въ воспоминаніи сдѣлать шагъ назадъ: а именно — осенью 1918 года мнѣ пришлось проѣхать въ городъ Харьковъ за обстановкой сестры и по личному дѣлу для сдачи Государственнаго экзамена. При возвращеніи изъ города Харькова въ городъ Ялту мнѣ пришлось мимоходомъ пробыть въ районѣ дѣйствій Махно. Изъ-за военныхъ соображеній былъ взорванъ мостъ черезъ рѣку Д. и всѣмъ пассажирамъ пришлось переходить рѣку гусь-

комъ по слабому льду и по доскамъ, тогда какъ на другомъ берегу рѣки стояли порожніе вагоны съ кряхтящимъ паровозомъ. Въ Харьковѣ, при моемъ выѣздѣ, предупреждали о томъ, что по пути слѣдованія поѣзда могутъ быть осложненія въ сообщеніи, за которыя администрація казенныхъ желѣзныхъ дорогъ не отвѣтственна. Но поѣздъ, идущій на югъ, былъ до того набитъ желающими ѣхать, что администраціи было-бы невыгодно прервать сообщеніе изъ-за слуховъ о взрывѣ моста. Однако, на берегу рѣки большинство пассажировъ отстали. Нѣсколько человѣкъ курсистокъ, студентовъ и трое купцовъ двинулись вмѣстѣ со мной черезъ ледъ. «Сущій переходъ евреевъ черезъ Чермное море», острилъ одинъ изъ юношей; наше шествіе гуськомъ черезъ рѣку съ поклажей на плечахъ и въ рукахъ было забавно. Обломки взорваннаго моста, когда-то стоившаго не одинъ милліонъ рублей, наводили на грустныя мысли «о пользѣ и вредѣ войны». Это разрушеніе моста было, говорятъ, дѣломъ рукъ нѣмцевъ-грабителей, умчавшихся въ Германію съ богатой добычей...

Но день былъ восхитительный, не то морозъ, не то оттепель. Въ какія-нибудь 20 минутъ мы перешли рѣку и заняли мѣста въ пустыхъ теплушкахъ, причемъ со мною оказались двѣ курсистки и студенты. Какъ только поѣздъ двинулся, изъ нашего вагона полились звуки русскихъ хоровыхъ пѣсенъ съ ухарскимъ присвистомъ, гиканьемъ и пристукиваніемъ каблуковъ — и молодежь безпечно ворковала вокругъ меня. Но не прошло и двухъ часовъ ѣзды, какъ поѣздъ остановился, и всѣмъ присутствующимъ было заявлено, что дальше ѣхать невозможно: впереди отряды Махно, грабятъ, вѣшаютъ и разстрѣливаютъ

всѣхъ, кто буржуй или доброволецъ. Послѣ совѣщательной сходки было рѣшено поѣхать для парламентаціи о пропускѣ — прямо къ Махно! Среди студентовъ нашлись смѣльчаки, устроили складчину, подкупили машиниста, и депутація изъ 10 лицъ на паровозѣ умчалась впередъ. Цѣлыхъ 5 часовъ мы сидѣли въ трепетномъ ожиданіи, добьются пропуска или нѣтъ... Пропускъ на 1200 человѣкъ былъ полученъ, но съ оговоркой, чтобы товарищи-студенты были всѣ вмѣстѣ въ общемъ вагонѣ. Я примкнула къ студентамъ и поступила правильно. Впослѣдствіи ихъ вагонъ не подлежалъ обыску и никто не былъ арестованъ; прочая-же публика была ограблена до тла. Снимали шубы, сюртуки и даже брюки, при чемъ, ночью, при свѣтѣ фонаря, самъ Махно обходилъ всѣ вагоны и мановеніемъ руки руководилъ повѣшеніемъ, обыскомъ и тому подобнымъ результатомъ своего команднаго величія...

Въ нашемъ студенческомъ вагонѣ Махно былъ болѣе чѣмъ великодушенъ. Папаха на бекрень, глаза смѣльчака, дерзкая, чуть замѣтная улыбка на губахъ, въ осанкѣ и выправкѣ армейскаго прапорщика, онъ напыщенно и по-военному привѣтствовалъ «товарищей-студентовъ» и пожелалъ намъ «счастливаго пути». Его многочисленный «штабъ» слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, и въ ночной тиши мы улавливали у слѣдующаго вагона односложныя слова: «Раздѣть», — «повѣсить», — «реквизируйте», — «разстрѣлять немедленно» — и голоса и шаги удалялись къ слѣдующему вагону, а съ опушки лѣса изрѣдка доносились заглушенные крики, выстрѣлы, подавленные стоны, а вблизи вагоновъ — мѣрные шаги часовыхъ у каждаго вагона. Когда поѣздъ, наконецъ, тронулся, мы пере-

вели духъ и чей-то юношескій голосъ крикнулъ: «Ай да Махно! Видали! Слыхали!» и блѣдныя лица студенчества и сжатыя губы говорили о великой степени напряженности пережитыхъ минутъ...

23. ПЕРВЫЕ БОЛЬШЕВИКИ ВЪ КРЫМУ.

При переворотахъ часто бываетъ, что національная власть «на мѣстахъ» стремится взять бразды правленія въ свои руки; такъ было и въ Крыму. Татары тамъ сочли себя хозяевами положенія при режимѣ, возглавляемомъ господиномъ Крымомъ (или Крымовымъ). Но это слабое правительство не могло устоять при натискѣ «первыхъ большевиковъ». Эти, такъ называемые, «первые большевики» были по преимуществу самородки Крымскаго полуострова и мало имѣли общаго съ Москвой. Ихъ самовластіе длилось не долго, но и оно надѣлало много бѣдъ. Мнѣ лично пришлось только два раза съ ними столкнуться. Первый разъ — въ 2 часа ночи, когда пришли арестовывать моего зятя, генералъ-лейтенанта А. А. Д—ва. Во главѣ ввалившейся банды былъ лупоглазый малый, дикій, крѣпко-сложенный матросъ. Когда я вышла къ нимъ въ мундирѣ-френчѣ со значкомъ врача на правой сторонѣ груди, онъ пришелъ въ неописуемую ярость, конвульсивно схватился за значокъ, вырвалъ его съ клочкомъ матеріи, затопталъ ногами значокъ въ плюшку и вышвырнулъ его черезъ балконъ въ садъ. «Двуглавый орелъ на груди», ревѣлъ онъ въ изступленіи. «Я вамъ докажу, какъ Вы преступны передъ «Красной Звѣздой» совѣтской власти»... шипѣли его губы и пѣна росла и брызгалась изо рта. Онъ дрожалъ и захлебывался отъ ярости. Я быстро столкнула его въ кресло и схватила стаканъ

холодной воды и, обливая ему голову, вливала воду ему въ ротъ и онъ глоталъ, глоталъ съ жадностью холодную воду... потомъ весь затихъ, крякнулъ и сказалъ: «Въ первый разъ за четыре дня безпрерывныхъ арестовъ Вы отнеслись ко мнѣ по-человѣчески, товарищъ. Мнѣ-то каково! Понимаете-ли?!?» и безумно вращая зрачками, онъ вновь пилъ холодную воду. Его стража стояла, опустивъ руки и ружья, потупя голову. «Обабились, черти!» вдругъ окликнулъ онъ ихъ и вскочилъ изъ креселъ.

Арестъ быстро закончился и зятя увели... Но мой грубьянъ меня не забылъ; онъ былъ мнѣ вправду по-своему благодаренъ и черезъ сутки, когда я бѣгала по инстанціямъ узнавать, куда дѣвали арестованнаго, онъ меня узналъ, самъ остановилъ и сказалъ: «Ваше милосердіе я не забылъ, докторъ, — я не разстрѣлялъ вчера генерала, его везутъ только въ Симферополь въ судъ, гдѣ ему дадутъ возможность оправдаться» — и быстро отошелъ отъ меня...

24. НОЧНАЯ ТРЕВОГА.

Прошли тяжелыя недѣли безъ вѣсти о дорогомъ арестованномъ. Сестра, ея дѣти и я жили замкнуто. Врачебной практики не было; денегъ тоже. Но какъ-то ночью опять послышались голоса у нашего подъѣзда, я быстро одѣлась въ свой мундирчикъ, перекрестила болящую сестру и говорю: «Вѣроятно и мой часъ пробилъ, дорогая; не волнуйся, молись Богу и насъ минуетъ чаша разлуки». Потомъ я спустилась внизъ и открыла парадную дверь, въ которую неистово стучались. Передо мной были пять вооруженныхъ солдатъ съ двумя факелами. «Вы — врачъ?» «Да, я». «Слѣдуйте немедлено за нами»... и меня, безъ

шапочки, безъ пальто — посадили верхомъ на лошадь. Ни слова... повели шагомъ лошадь подъ-узду. Куда? не знаю. Шествіе шло въ горы. Ночь была темна. Факелъ спереди и факелъ у головы лошади освѣщали путь. Гробовое молчаніе. «А что, если меня везутъ на разстрѣлъ» — думалось мнѣ. «Вѣдь всѣхъ разстрѣливаютъ — въ горахъ»... Ночь была тиха, спутники сугубо молчали, и мнѣ казалось вѣчностью наше шествіе въ горы... Миновали деревню Ай-Василь, вторую, третью — все выше, выше и выше везли меня. Куда? — ума не приложу, такъ высоко я никогда сама не забиралась. Начало свѣтать, факелы погасли, а мы все двигались выше-выше. Какая красота природы здѣсь — неземная благодать снизошла на мою душу... я была готова умереть среди такой дикой, всемогущей красоты, миръ сошелъ и внѣдрился въ мое сердце... я колыхалась въ сѣдлѣ, ровно и легко дышалось на этомъ чистомъ, утреннемъ воздухѣ. Но вдругъ, за поворотомъ огромной глыбы отвисшей скалы, мы остановились, спѣшились — еще поворотъ — повыше по тропинкѣ — и передъ нами была двухъэтажная изба.

Меня повели между вооруженными во второй этажъ. Дверь распахнулась и въ комнатѣ безъ оконъ, вдоль стѣнъ, сидѣли на лавочкахъ многое-множество вооруженныхъ большевиковъ. На столѣ горѣла одна свѣча, лежали какія-то бумаги. Я вошла, остановилась посреди комнаты, всѣ молча встали. Нѣсколько минутъ царило гробовое молчаніе — я осматривала дерзкія лица, они — меня. Минуты казались мнѣ часами... Наконецъ, одинъ заговорилъ: «Храбрая, видно. Ну, приступайте къ дѣлу...», и какъ по мановенію, трое выступили впередъ и я увидѣла за ними

на лавкѣ лежачаго солдата. Я поняла — онъ былъ раненъ. Уфъ, отлегло! пронесло несчастіе и я подошла къ нему. «Пустяки!» — правая рука была прострѣлена на вылетъ, выше локтя, но онъ былъ безъ сознанія отъ потери крови. «Пустяки!» повторила я въ слухъ, «но въ этой комнатѣ, среди столькихъ присутствующихъ, я не могу справиться, командиръ. Дайте другую пустую комнату и — перевязочный матерьялъ». По мановенію руки, больного понесли внизъ, я слѣдовала за нимъ и двое вооруженныхъ — тоже. Промывъ рану, вложивъ руку въ импровизированныя шины, я привела больного въ чувство и молча вышла. Ни слова. Вновь въ томъ-же порядкѣ меня шествіемъ при пяти воруженныхъ проводили внизъ, домой. Молча вручили мнѣ 40 рублей керенкой, и я, подымаясь къ сестрѣ, тихо перекрестилась; позднѣе я узнала, что была тамъ, откуда нѣтъ живымъ возврата — въ центрѣ команды, разстрѣливающей «буржуевъ». Всего-же я отсутствовала 4 часа и моя сестра уже причислила меня къ числу погибшихъ...

25. «СЛОЕНЫЙ ПИРОГЪ».

«Кому суждено быть повѣшеннымъ, тотъ не утонетъ» — говоритъ народная пословица. Воистину мнѣ не было суждено быть повѣшеннымъ ни при Махно, ни при добровольцахъ, ни при большевикахъ. Рѣшающее сраженіе у «Перекопа» кончилось кровавой побѣдой «Красныхъ надъ Бѣлыми». Какъ извѣстно, храбрая кавалерійская атака подъ командой отважнаго генерала Май-Маевскаго убѣдила большевиковъ въ необходимости сконцентрировать громадное количество войска для Крымской побѣды.

Махно, который первоначально готовъ былъ служить идеѣ добровольческаго движенія, былъ впослѣдствіи подкупленъ большевиками и въ результатѣ произошелъ великій бой у Перекопа, подъ названіемъ «Слоеный пирогъ», гдѣ тактика войны у большевиковъ была хитро сплетена. Я не берусь разбирать всю стратегію этого рѣдкостнаго боя, но увѣрена въ томъ, что въ исторіи войны «Слоеный пирогъ» будетъ однимъ изъ самыхъ интересныхъ сраженій. Въ эти тревожные дни генералъ Врангель получилъ въ подарокъ отъ мѣстнаго Дамскаго Комитета вышитое шелкомъ и золотомъ настоящее «Добровольческое Знамя». Послѣ молебна у часовни близъ пристани это знамя было передано любимому и популярному вождю, и вѣра въ побѣду еще жила среди общества, хотя планъ эвакуаціи, быть можетъ, уже разрабатывался втайнѣ. Событія смѣнялись съ головокружительной спѣшностью; фронтъ-таки дрогнулъ, бѣлые оказались сломленными.

Махно измѣнилъ добровольческой арміи генерала Врангеля и въ результатѣ этого произошла огромная потеря въ людяхъ и послѣдовало организованное бѣгство добровольческой Арміи. Мы, скромные жители города Ялты, были сильно удручены; смѣна власти теперь уже была неизбѣжна. Цѣлыхъ четыре дня продолжалась погрузка добровольческихъ войскъ на пароходы. Кое-кто изъ гражданъ примкнулъ къ эвакуаціи. Настоятельница Краснаго Креста Княгиня Марья Владиміровна Борятинская, сестры Общины Кр. Креста и многое множество мелкой буржуазіи спаслись, не помышляя о тѣхъ несчастныхъ, кои не могли «удрать», а должны были молча и покорно пере-

носить всѣ ужасы реакціи-переворота. Стоитъ ли разсказывать объ ужасахъ при панической погрузкѣ людей на пароходы?!? Нѣтъ, все это было до того жестоко, эгоизмъ эвакуируемыхъ былъ до такой степени силенъ, что о столь отвратительныхъ сценкахъ жизни лучше не разсказывать. Въ результатѣ были случаи остраго помѣшательства. Хотя я имѣла пропускъ и билетъ для нагрузки, мой здравый смыслъ меня удержалъ отъ этого бѣгства, — безъ друзей, безъ иностранной валюты или драгоцѣнностей, я не рѣшилась уѣхать съ тремя малолѣтними дѣтьми моей усопшей сестры. И мы остались. Не безъ грусти мы глазами провожали пароходы — впереди насъ ожидала полная безызвѣстность о грядущихъ дняхъ. Въ опустѣвшей гостиницѣ трое малютокъ, няня и я были единственными жильцами. Надвигалась темная, южная ночь; мерещились предстоящіе грабежи и разбои... На морѣ, судя по звукамъ прибоя, вѣтеръ все усиливался... на сушѣ замирали звуки пѣшеходовъ, городъ оскудѣлъ послѣ эвакуаціи. Насъ, одинокихъ, всѣми забытыхъ, казалось, никто не вспоминалъ, и я впервые въ жизни почувствовала тоску одиночества и силу безпомощности. Когда дѣти легли спать одѣтыми, и няня прикурнула въ глубокомъ креслѣ у темнаго окна, я начала горячо молиться и призывала помощь Всевышняго... только сверхъестественная сила, казалось мнѣ, только заступничество святого духа матери сиротъ могло намъ ниспослать опору, помощь и совѣтъ въ эти тяжелыя минуты...

И вдругъ, среди глубокой тишины ночи въ пустой гостиницѣ я услышала легкіе торопливые шаги. Слабый стукъ въ мою дверь и тихій, милый голосъ зашепталъ: «Ты не спишь, родная, это я» и въ комнату

вошла та самая сестра милосердія, которая была при смерти моей покойной сестры. Оказывается, она зарылась подъ мѣшки съ углемъ на шхунѣ и съ утра выѣхала изъ города Севастополя въ г. Ялту, желая мнѣ съ дѣтьми помочь при эвакуаціи. Во всемъ Крыму, во всей Вселенной не нашлось бы болѣе великодушной женщины, чѣмъ столь извѣстной среди сестеръ добровольческой арміи сестры милосердія Софіи Максимильяновны Верещагиной... Первая въ рядахъ на полѣ брани, первая при лазаретной работѣ и лучшая изъ хирургическихъ сестеръ Общины Ялтинскаго Краснаго Креста, увѣшенная орденами иностранныхъ и русскаго Дворовъ, она пользовалась всеобщей любовью среди больныхъ и сослуживцевъ. Моей радости такой посланной судьбою опорѣ въ трудную минуту жизни мнѣ немыслимо описать — пусть каждый изъ читающихъ эти строки самъ душой почувствуетъ мою великую отраду... Въ эту памятную ночь мы не сомкнули глазъ и все обсуждали, что будетъ съ нами дальше... На разсвѣтѣ мы порѣшили прежде всего уѣхать изъ гостиницы на частную квартиру, такъ какъ съ часа-на-часъ войска большевиковъ могли занять городъ и, конечно, должны были прежде всего расквартировываться по гостиницамъ.

26. ВООРУЖЕННАЯ ШАНТРАПА.

Послѣ эвакуаціи Добровольческой Арміи, жизнь города Ялты заглохла. Цѣлыхъ четыре дня не было никакой власти — улицы пустовали, мужчины сидѣли по домамъ, шайки темныхъ личностей произвольно владѣли всѣмъ, что имъ подъ-руку попадало. Винные склады и погреба пали первой жертвой черни, бывали грабежи и убійства изъ-за угла... Но вотъ при-

шли въ городъ «первыя ласточки» арміи большевиковъ. «Вооруженная шантрапа» босые, полуодѣтые, съ вилами и палками — вмѣсто ружей, вотъ каковы были первые отряды «побѣдителей». Я съ трудомъ могла вѣрить своимъ глазамъ, настолько нищенски и ужасно выглядѣла эта «красная армія», эта шайка грабитетелей съ красными тряпками въ петлицахъ, надъ кокардами, папахами и фуражками, въ засусленныхъ рукавахъ и запачканныхъ кровью рубашкахъ. Я ничего подобнаго не ожидала увидѣть и невольная усмѣшка была на губахъ, когда эта масса ликующе пѣла свой «Интернаціоналъ», вмѣсто духового оркестра регулярныхъ войскъ. Этимъ «хозяевамъ положенія» городъ былъ предоставленъ въ полное хозяйство на цѣлую недѣлю... Но, наконецъ-то, пришло и регулярное войско... появился революціонный судъ, возникли учрежденія — «Чека, Пе-ка» и прочее и прочее. Начались регистраціи, допросы, еженедѣльные ночные обыски у обывателей, легальныя реквизиціи и многое-множество было расклеено по домамъ страшныхъ печатныхъ листковъ о правахъ и обязанностяхъ большевистской власти. Послѣ тоскливыхъ двухъ недѣль бездѣйствія, во время которыхъ я добывала новую деньгу тѣмъ, что клеила коробочки для дрожжей при частной фабрикѣ, мнѣ была предложена служба. Это «предложеніе» было формулировано въ грубой формѣ, приблизительно, такъ: «Не желаете ли, товарищъ-докторъ, занять должность главнаго врача Перваго Коммунистическаго Лазарета въ ЛИВАДІИ? Тамъ мы вчера почистили немного и разстрѣляли бывшаго Ста-врача Д-ра К., старшую сестру милосердія, Княжну Трубецкую и еще человѣкъ 15 персонала». Я молчала въ отвѣтъ... тогда, въ повышенномъ тонѣ

угрозы послѣдовало заявленіе: «Какъ хотите, товарищъ-докторъ, но не взыщите, если мы принуждены будемъ, въ случаѣ Вашего отказа, отнять у Васъ всѣхъ Вашихъ трехъ питомцевъ, и Вы никогда не узнаете, что съ ними будетъ дальше!» Что было мнѣ дѣлать?! Мой отвѣтъ былъ простъ: «За дѣтей я готова итти въ огонь и въ воду, назначайте-же меня — куда угодно, только дѣтей не отбирайте у меня!»

Итакъ, свершилось! Я служу главнымъ врачемъ при «Первомъ Коммунистическомъ Лазаретѣ» въ городѣ Ялтѣ.

Часть третья.

27. ЛАЗАРЕТНАЯ ЖИЗНЬ ПРИ БОЛЬШЕВИКАХЪ.

Лазаретная жизнь — это особое царство въ государствѣ. При большевикахъ лазаретная жизнь уважалась: врачъ былъ нечто въ родѣ «персона-грата» въ области администраціи. Но, къ сожалѣнію, большевики почли за благо внѣдрить политику и пропаганду среди больныхъ, и очень часто режимъ внутренней жизни лазарета нарушался изъ-за пропагандныхъ цѣлей.

Товарищъ-комиссаръ, непомѣрной важности и напыщенности, исполнялъ роль полицейскаго, жандарма, сыщика и доносчика среди администраціи лазарета и тяжелой Ахилесовой пятой надавливалъ на весь внутренній міръ лазарета. Власть товарища-комиссара была неограниченная; онъ имѣлъ право арестовывать, назначать къ разстрѣлу, къ каторжнымъ работамъ и пр. кого угодно, какъ больныхъ, такъ и персоналъ лазарета. Цѣлыхъ три мѣсяца я все-же умудрилась хладнокровно вести бразды правленія; но наконецъ-то пробилъ и мой часъ. Я была арестована по доносу комиссара. Былъ канунъ новаго 1920 года, и я была вызвана на вечернее засѣданіе врачей въ городѣ Ялтѣ. Въ это утро меня вызывали по телефону съ моей частной квартиры, гдѣ жили мои трое

питомцевъ съ няней и гдѣ у меня былъ частный кабинетъ для пріема больныхъ: ежедневно, отъ 5 до 7 часовъ вечера я могла такимъ образомъ видѣть своихъ малютокъ. Меня вызвали для увѣдомленія, что вновь прибывшій начальникъ «ЧЕ-КА» облюбовалъ мою квартиру, вышвырнулъ трехъ сиротъ въ садъ со всѣми вещами и няней и самъ поселился въ квартирѣ. Что мнѣ было отвѣтить? Мой отвѣтъ былъ коректенъ: «Передайте начальнику «ЧЕ-КА», что я сейчасъ — дежурный врачъ, лазаретъ оставить не могу, чтобы заботиться о дѣтяхъ; поэтому онъ, коли выгналъ малолѣтнихъ, пусть самъ-же ихъ и подберетъ обратно въ квартиру на сутки». Къ вечеру онъ такъ и сдѣлалъ, но только отвелъ имъ комнату съ разбитымъ окномъ: нѣсколько дней спустя младшій ребенокъ заболѣлъ дифтеритомъ... Такъ вотъ, вечеромъ, на засѣданіи врачей, я имѣла мужество заявить «протестъ» по поводу безцеремоннаго поступка начальника. На слѣдующій день меня арестовали за то, что я своимъ протестомъ «дискредитировала совѣтскую власть»...

Думаю, здѣсь комментаріи излишни. Какъ видно, такова была психологія новой власти — «нашему нраву никто не препятствуй». Подъ конвоемъ, но на извозчикѣ, меня свезли въ казематы. Въ «ЧЕ-КА»... Въ бывшемъ угольномъ складѣ, подъ землей, на Виноградной улицѣ, въ подвалѣ трехъэтажнаго дома, въ «женской» оказалось 23 человѣка, и я дополнила вторую дюжину. Ни стульевъ, ни столовъ, а просто на полу лежали всѣ присутствующіе и тихо переговаривались. Кто-за что... трудно сказать, большинство — за родственныя связи съ бывшимъ добровольческимъ офицерствомъ или аристократіей. За день до меня тамъ сидѣли мать и дочь кн. Барятин-

скія, приходившіяся двоюродными сестрами бывшей Настоятельницы Общины Кр. Креста: — ихъ, вмѣстѣ съ горничной, на разсвѣтѣ разстрѣляли по обвиненію въ укрывательствѣ драгоцѣнностей...

Но дѣти, дочери были переданы мѣстному священнику на воспитаніе, жившему при ихъ-же домовой церкви, рядомъ съ домомъ Барятинскихъ по Аутской улицѣ. Что было дальше съ дѣтьми, мнѣ до сихъ поръ неизвѣстно. Арестованной сидѣла мать двухъ дочерей за то, что ея обѣ дочери были замужемъ за двумя братьями-князьями Крапоткиными, проживавшими за-границей; ее позже освободили, но частенько тревожили обысками и угрозами. Меня смущаетъ перечисленіе арестованныхъ, это читающему мало интересно. Въ 2 часа ночи меня вызвали къ свирѣпому допросу «наверхъ» въ третій этажъ — подъ конвоемъ, конечно.

28. ДОПРОСЪ.

Допросъ... этотъ допросъ настолько характеренъ, что постараюсь его почти дословно воспроизвести. Въ просторной комнатѣ, въ два окна, съ двумя дверьми, за круглымъ столомъ сидѣли пять вооруженныхъ людей. Электрическая лампа ярко освѣщала столъ, оставляя глубину комнаты въ полумракѣ. Товарищи были пьяны... Допросъ начался съ того, готова-ли я отказаться отъ моего графскаго титула. Отвѣтъ: нѣтъ, какъ иностранноподданная я обязана «его сохранить». Большевики переглянулись: «Извѣстно-ли вамъ, гдѣ скрывается вашъ зять, генералъ-лейтенантъ Д.?» «Онъ мнѣ не мужъ, откуда-же мнѣ знать это». Смѣхъ товарищей: «Послушайте, докторъ, съ нами шутки плохи; будьте правдивы и мы съ вами

сговоримся. Назовите намъ адреса добровольцевъ, скрывающихся въ Ялтѣ, и вы будете черезъ три минуты свободны». Отвѣтъ: «Товарищи-комиссары, я — врачъ съ головы до ногъ, я знаю больныхъ, больные меня знаютъ, но добровольцевъ назвать мнѣ некого». Тутъ медленно, но твердой рукой было поднято дуло револьвера по направленію моего сердца. Я встала съ кресла, выпрямилась во весь ростъ, откинула борта врачебнаго мундира и проговорила: «Ну что-же, коли я вамъ какъ врачъ не нужна, то стрѣляйте прямо»... Вмѣсто выстрѣла послѣдовала вспышка: «Чортъ возьми, васъ, видно, на испугъ не возьмешь»... и револьверъ съ грохотомъ былъ брошенъ въ противоположный уголъ. Я тогда поняла, что въ эту минуту мое хладнокровіе меня выгородило и спокойно сѣла обратно въ кресло, выжидая дальнѣйшихъ вопросовъ. Мнѣ заявили, что многіе генералы въ Москвѣ уже примкнули къ партіи большевиковъ, что новая власть будетъ въ принудительномъ порядкѣ признана всей Европой и т. д. Скрестивъ руки на груди, я молча слушала самохвальныя рѣчи и внимательно разглядывала красныя лица полупьяныхъ комиссаровъ. Они увлекались все больше и больше, перебивали другъ-друга, и между прочимъ одинъ сказалъ: «Поймите насъ, товарищъ-докторъ, поймите, какъ трудно намъ, полуинтеллигентамъ, говорить съ вами, людьми науки и буржуазныхъ предразсудковъ. Мы сорвали постройку государственности, но мы безсильны строить волшебныя перспективы будущаго... помогите-же намъ, намъ нужны люди сильные духомъ, энергичные»... Богъ вѣдаетъ, какъ долго еще продолжалась-бы эта бесѣда, когда вдругъ съ шумомъ распахнулась дверь и вбѣжалъ свирѣпаго вида красноармеецъ, во-

оруженный съ ногъ до головы. Онъ стремительно бросился къ говорившему, схватилъ его за грудь и подъ звуки града пощечинъ, приговаривалъ: «такъ ты вотъ какъ, мерзавецъ, при послѣднемъ обыскѣ самъ обокралъ казну!» — и ругань и брань щедро награждали виновнаго товарища. Тогда я встала и строго-спокойно его остановила: «Бросьте расправу, товарищъ, это по начальству все разберутъ, какъ слѣдуетъ, но мнѣ непристойно слушать подбное безобразіе, а потому разрѣшите мнѣ уйти». — «Веди ее въ подвалъ!» — гаркнулъ красноармеецъ и я выскочила вмѣстѣ съ часовымъ за-дверь. — «Что, братъ, такъ-то у васъ часто бываетъ?» — спросила я у часового и тотъ молча кивнулъ головой. Такъ вотъ кто въ эту ночь долженъ былъ быть моимъ судьей — грабитель и воръ?!!

29. ВЪ КАЗЕМАТАХЪ «ЧЕ-КА».

Моя жизнь уцѣлѣла. Оказывается, отъ этого ночного допроса зависѣло мое бытіе, и въ моемъ казематѣ считали меня убитой, такъ долго я отсутствовала на допросѣ — около двухъ часовъ...

Теперь потянулись однообразные дни. Утро начиналось съ пѣнія «Интернаціонала» и переклички; въ часъ дня была раздача по одной мискѣ горячаго чечевичнаго супа; въ 7 часовъ давалась бутылка горячаго чая безъ сахара и хлѣба. Отъ столь скудной ѣды я быстро худѣла. Чтобы сохранить бодрость тѣла и духа, я, прямо во дворѣ, при проходѣ въ уборную подъ конвоемъ, складывала куртку на снѣгъ и до пояса мылась снѣгомъ-же. Когда-же во дворѣ открыли кранъ съ ледяной водой, несмотря на январскіе морозы, я пропускала спину и грудь подъ струю и очень

освѣжалась отъ духоты каземата. Выпало нѣсколько счастливыхъ дней, когда женѣ и дочери Алупкинскаго священника приносили ѣду изъ-дому и они со мною дѣлили свой хлѣбъ. Но сутки смѣнялись за сутками, а обо мнѣ начальство забыло... Какъ-то разъ принесли въ казематы тяжело-раненаго татарина. Я проходила мимо дверей его камеры подъ конвоемъ въ уборную и заглянула къ нему. Вижу, молодое блѣдное лицо татарина, искаженное болью, и — узнаю одного изъ богачей Парапетовыхъ, извѣстныхъ поклонниковъ царизма. Отстранивъ часового, я быстро подбѣжала къ раненому и по привычкѣ врача принялась останавливать кровь изъ шейной раны. Часовые обступили меня, и я горячимъ чаемъ обмыла рану и перевязала шею: часовые молчали. Я обнажила грудь и пальцами извлекла пульку, засѣвшую у праваго межреберья и носовымъ платкомъ заткнула рану и полотенцемъ и подтяжками стянула грудь; обнаживъ правое бедро, я перевязала, промывъ чаемъ, рану, въ икрахъ и стала приводить больного въ чувство. Когда и это удалось, я молча вышла и прошла въ свою камеру — часовые разступились шпалерами, никто изъ насъ ни слова не произнесъ. Такъ прошла ночь, но на утро меня позвали на допросъ. «Вы перевязали вчера раны арестованнаго татарина?» «Да, а вамъ ужъ объ этомъ донесли? Ну что-же, меня еще никто не лишилъ званія врача, и я исполнила мой долгъ». «Каково ваше мнѣніе о его ранахъ?» «Онѣ не смертельны при условіи лазаретнаго хирургическаго ухода». — «Хорошо, часовой, веди ее въ подвалъ». На этотъ разъ аудіенція была окончена; но обо мнѣ вспомнили и это было хорошо. Меня съ этого дня почти ежедневно во-

дили на допросъ — мною занялись въ порядкѣ настоящаго судебнаго слѣдствія.

30. ДѢЛО ВЪ ТРИБУНАЛѢ.

Въ общей сложности я отсидѣла въ «Чрезвычайкѣ» 42 дня на каменномъ полу безъ кровати, стула или стола. Изъ нихъ выпало 5 дней одиночнаго заключенія по мѣрѣ хода слѣдствія. Власть въ городѣ Ялтѣ приняла законый обликъ: пріѣхалъ Трибуналъ, эта высшая инстанція судопроизводства большевиковъ. Я лично ни разу не была въ Трибуналѣ и мое дѣло было разобрано безъ меня. Какъ говорили мнѣ позже, по улицамъ города Ялты были расклеены увѣдомленія о днѣ моего суда, и много врачей и сестеръ милосердія, санитарокъ и санитаровъ были тамъ въ Трибуналѣ въ день разбирательства моего дѣла. Воистину «безъ меня — меня вѣнчали» какъ поется въ крестьянской пѣснѣ. Самъ Предсѣдатель Трибунала сказалъ рѣчь въ мою пользу, упомянулъ и о томъ, что онъ лично читалъ мой дневникъ и пришелъ къ выводу: «Въ жизни моей я не встрѣчалъ болѣе идеальнаго человѣка»... Меня оправдали. Толпа ринулась къ моимъ казематамъ, но начальство «ЧЕ-КА» отказалось меня выпустить, подъ предлогомъ, что бумаги объ освобожденіи еще не готовы. А я сидѣла въ подземной камерѣ и даже не подозрѣвала о томъ, что часъ свободы приближается. Только два дня спустя меня выпустили, при чемъ я была такъ слаба, что подъ-руки меня вывели на чистый воздухъ, и я не сразу могла двинуться домой. Преданная мнѣ сестра милосердія С. М. Верещагина пришла за мною и, опираясь на ея руку, я медленно прошла къ моимъ питомцамъ. Мои силы были близки къ исходу... Когда

я на слѣдующій день явилась въ Медицинское Управленіе, начальство ужаснулось изнеможенному виду моего лица и назначило мнѣ отпускъ на двѣ недѣли съ сохраненіемъ содержанія для поправленія здоровья.

31. ВТОРИЧНО КЪ ДОПРОСУ.

Служить-ли дальше? Вотъ вопросъ, который сталъ передо мной. Уже опять была весна, природа пробуждалась. Какъ трудно было овладѣть собою, какъ тяжело было даже думать о службѣ, о службѣ врача, долженствующаго быть «вѣрой и надеждой» погибающихъ и слабыхъ людей. Но мысль о трехъ питомцахъ меня заставляла служить. За время отпуска я часами проводила дни въ лѣсу съ дѣтьми, а въ солнечные дни часами по морю каталась, и силы быстро, съ каждымъ днемъ, крѣпли и одухотворялись для новой борьбы за существованіе. Какъ-то разъ, рано по утру, послѣ живительной спокойной ночи, я вышла безъ дѣтей къ берегу моря въ центрѣ города Ялты и удобно развалилась среди старыхъ бревенъ... Я предалась нѣгѣ отъ морского прибоя, утренній легкій вѣтерокъ мнѣ орошалъ лицо и съ каждымъ мгновеніемъ я чувствовала прелесть бытія и возрожденіе моихъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ. Мнѣ захотѣлось работать, работать во всю! Къ утреннему завтраку я пришла къ дѣтямъ въ отличномъ настроеніи духа. Но нянюшка качала головой и, отозвавъ меня въ уголъ, прошептала: «За Вами приходили. Пріѣхалъ новый начальникъ «ЧЕ-КА» и приказалъ къ нему зайти еще до 10 часовъ утра». — Но-о! опять допросъ... Мое настроеніе было омрачено, я вновь была сильна — море дорогое не зря меня укрѣпило, мой духъ былъ бодрый... И я

ушла къ начальнику «ЧЕ-КА». Высокій стройный, жгучій брюнетъ принялъ меня вѣжливо, указалъ на стулъ за обѣденнымъ столомъ и приказалъ часовому не уходить изъ комнаты. Но онъ былъ пьянъ. «Опять пьянчуга», подумала я и рѣшила говорить съ нимъ весело, не-дѣловито. «Вы, товарищъ-докторъ, чудной человѣкъ», заявилъ онъ мнѣ: «я слышалъ, что только недѣлю тому назадъ Вамъ дали свободу, а Вы опять куралесите». Отвѣчаю: «Полно, товарищъ-начальникъ, я живу скромнѣе подпольной мыши». «А у меня, однако, доносецъ на Васъ, свирѣ-ѣпый», заявилъ онъ и икнулъ выразительно. Отвѣчаю: «Что за ерунда, товарищъ-начальникъ, скажите точнѣе, я-же не признаю себя виновной, и совѣсть моя молчитъ». Тутъ онъ всталъ, величаво махнулъ часовому удалиться и нагнулся надо мной: «Вы смѣло говорите, докторъ; но обвиненіе Вамъ предъявлено суровое. Я-по отечески Вамъ это говорю», и вся его фигура качнулась на меня, а глаза стали круглыми, жестокими. Тутъ и я встала, схватила эту качающуюся фигуру за плечи и сказала: «Только съ пьяныхъ глазъ, товарищъ-начальникъ, кто-то могъ меня теперь обвинить. Я не дуркована, чтобы попасться изъ огня да въ полымя. Будьте-же отцомъ роднымъ и скажите, какого рода обвиненіе теперь повисло надо-мной». Товарищъ-начальникъ грохнулся опять на стулъ, допилъ стаканъ коньяку съ чаемъ и заявилъ: «Васъ обвиняютъ въ томъ, что Вы часами бываете на морѣ, или на морскомъ берегу, что Вы подаете свѣдѣнія англійскимъ судамъ и этимъ самымъ навлекаете на Совѣтскую власть великую опасность. Васъ нужно разстрѣлять, немедленно; слушайте меня, я болтунъ, я пьяница, но я дамскій кавалеръ... я долженъ лично разслѣдовать...

вотъ...» Но я вскочила, какъ ужаленная; этого еще не хватало въ предшествовавшихъ допросахъ. Я бросилась къ дверямъ и готовилась выскочить, но вмѣсто этого пагубнаго шага, я разразилась веселенькимъ смѣхомъ и мой смѣхъ вскорѣ и его заразилъ. «Вотъ идіоты, вотъ олухи» — хохотала я; «глупѣе обвиненіе трудно придумать, когда все море въ минахъ и ни одно судно не рискнетъ подойти къ Ялтѣ безъ объявленія объ очисткѣ моря отъ минъ. Ну, знаете, разсмѣшили Вы меня на весь предстоящій день, развеселили. Развѣ нельзя было придумать что-либо болѣе остроумное, чѣмъ это нелѣпое обвиненіе!». «Вы мнѣ нравитесь, докторъ; да, Вы правы на этотъ разъ, но берегитесь — въ слѣдующій разъ я Васъ такъ просто не отпущу. Часовой! можешь барыньку пропустить...» и мы пожали другъ другу руки, оба все еще улыбаясь, какъ люди, видавшіе виды... а это закончилось, какъ дѣтская забава игры въ «Начальники».

32. ВНОВЬ НА СЛУЖБѢ.

Итакъ, я вновь на службѣ у совѣтской власти. Но этотъ разъ я отказалась наотрѣзъ отъ отвѣтственныхъ должностей и предпочла принять двѣ должности въ двухъ смежныхъ лазаретахъ; такимъ образомъ я обезпечивала дѣтей, няню и себя двойнымъ пайкомъ, двойнымъ жалованіемъ и столомъ. Двое сутокъ свободы стали рамками моей жизни. Но и въ свободные дни я должна была по 4 часа утромъ и вечеромъ совершать обходы въ обоихъ лазаретахъ, такъ что свободнаго времени было мало, но я чаще видала дѣтей и жила съ ними. Цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ прошли такимъ темпо работы. Но насчетъ жалованія я ошиблась — я его вовсе не получала. Благодаря пайкамъ,

мы не голодали, но обувь износилась до того, что мнѣ пришлось самой носить деревяшки, а дѣтямъ — ходить босикомъ или въ матерчатой самодѣльной обуви. По службѣ былъ какой-то хроническій кавардакъ изъза комиссаровъ, которые не успѣвали вникнуть въ потребности ежедневной суеты, какъ ихъ смѣщали и пріѣзжали съ центра новые кумиры — вѣчные пьянчуги. Какъ-то разъ, когда бывшая гостиница «Россія» была превращена въ распредѣлительный лазаретный пунктъ, выпало на мою долю оригинальное дежурство.

33. ВЪ РОЛИ ДЕЖУРНАГО ВРАЧА И КОМИССАРА.

Зачѣмъ описывать... свѣжо воспоминаніе! — Я вступила въ должность и дежурство въ 12 час. дня. Въ трехъэтажномъ зданіи, внутри имѣющемъ круговые балконы, въ каждомъ этажѣ вмѣщалось нормально 400 больныхъ. Въ этотъ день должны были прибыть 600 чел. и пришлось отобрать у персонала всѣ матрацы и подушки и размѣстить прибывшихъ просто на полу, по 20 чел. въ комнатѣ. Лазаретъ сталъ похожъ на муравейникъ, а больные жужжали, какъ пчелы въ ульѣ. Въ столовой обѣдали въ четыре пріема — не успѣвали всѣхъ накормить обѣдомъ, какъ уже начиналась очередь ужиновъ. Персоналъ стоналъ отъ усердія, но не смѣлъ роптать. Мы, медицинскій персоналъ, ограничивались поверхностнымъ пріемомъ больныхъ и срочно сносились съ другими лазаретами, чтобы себя разгрузить. Контингентъ больныхъ — рабочіе. Было лѣто — жара; одинъ изъ больныхъ въ дорогѣ съѣлъ 5 фунтовъ свѣжихъ, немытыхъ сливъ — можно себѣ представить, что его пришлось переправить къ вечеру въ холерный баракъ, гдѣ онъ впослѣд-

ствіи и умеръ. Вечеромъ мнѣ доложили, что произошла кража среди лежачихъ. Два часа я билась, чтобы разыскать виновную... Ночью меня призвалъ дежурный комиссаръ и заявилъ, что онъ пьянъ; поэтому приказываетъ мнѣ, какъ дежурному врачу, принять на себя обязанности комиссара до утра. Я согласилась. Часъ спустя мнѣ докладываютъ, что одна изъ сидѣлокъ — отравилась; надъ нею пришлось повозиться четыре часа подъ-рядъ — она была спасена. Подъ утро ворвались трое пьяныхъ комиссаровъ и внизу въ швейцарской ихъ перебранка дошла до револьверовъ и выстрѣловъ — мнѣ пришлось ринуться внизъ, «властью комиссара» обезоружить всѣхъ трехъ и арестовать ихъ — за нарушеніе порядка — въ моей дежуркѣ до разсвѣта и разслѣдованія. Въ 7 час. утра, часовой у воротъ, по ошибкѣ, выстрѣлилъ въ животъ проходившему прилично-одѣтому прохожему. Мнѣ пришлось его немедленно оперировать, извлечь пулю и наложить швы... Отъ столь разнообразныхъ событій я выбилась изъ силъ и съ величайшимъ трудомъ дождалась смѣны въ 12 час. дня. На третій день послѣ этой ночи я была удостоена благодарности по начальству и меня пригласили, въ знакъ особаго благоволѣнія, присутствовать на очередномъ собраніи коммунистической партіи.

34. ОЧЕРЕДНОЕ СОБРАНІЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ.

На этотъ разъ очередное собраніе коммунистической партіи состояло въ томъ, что новый «будущій» членъ партіи долженъ былъ публично разсказать всю свою жизнь, оформить свои политическіе взгляды, выразить свою полную готовность подчиниться впредь

всѣмъ требованіямъ «партійной дисциплины» — только послѣ этого обсуждалось гласно, достоинъ-ли такой-то (или такая-то) стать равноправнымъ членомъ партіи. Обычно, въ случаѣ удовлетворительности даннаго лица, ему или ей, дается порученіе политическаго характера, въ духѣ «предать отца родного» и послѣ трехъ-четырехъ удачно выполненныхъ заданій — дается служба съ чиномъ и окладомъ. Возможно, что приглашеніе присутствовать имѣло цѣлью меня по той-же дорожкѣ провести; при уходѣ я поблагодарила за довѣріе и сказала, что все это организовано весьма цѣлесообразно; но и только.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого засѣданія меня вызвали въ революціонный комитетъ и попросили предъявить мой паспортъ. Не подозрѣвая подвоха, я подала его. Предсѣдатель молча его просмотрѣлъ, скомкалъ, какъ ненужную бумаженку, и вдругъ говоритъ мнѣ: «Докторъ, Вы теперь безпаспортная, такъ какъ Вашъ паспортъ — у меня въ карманѣ. Потрудитесь перейти въ наше русское подданство». Отвѣчаю: «А что будетъ, если я не согласна на это?» — Хладнокровный отвѣтъ: «тогда Вы остаетесь безъ паспорта, а мы безпаспортныхъ — разстрѣливаемъ». — «Ахъ какъ просто: ну вотъ что я вамъ скажу — обмѣнять паспортъ — это не пара дамскихъ перчатокъ, что просто взялъ да обмѣнялъ. Дайте мнѣ 5 дней на размышленіе, мнѣ надо подумать». — «Ладно, идите, даю Вамъ 5 дней, но ни часа больше». Я ушла; вотъ задача, что дѣлать? Мнѣ было ясно, что эта капля переполнила мою чашу терпѣнія. Надо обдумать, что дѣлать, какъ быть...

35. ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ СОВѢТСКОЙ РОССІИ.

Весьма часто въ Совдепіи одно учрежденіе не имѣетъ понятія о томъ, что дѣлаетъ другое. Мое Медицинское Управленіе, гдѣ многіе врачи были мнѣ друзьями, не знало о происшедшемъ со мною затрудненіи; всѣ знакомые врачи согласились со мной, что дольше служить и оставаться въ Ялтѣ мнѣ нельзя. Я подала прошеніе въ Медицинское Управленіе объ откомандированіи меня въ Москву, якобы для усовершенствованія по хирургіи, получила пропуски и документы на санитарный поѣздъ и на третій день, вмѣстѣ съ моими тремя питомцами мы ночью грузились на пароходъ въ Севастополь, откуда какъ разъ долженъ былъ отходить санитарный поѣздъ съ теплушками. Я выхлопотала себѣ въ милиціи города Ялты временный паспортъ, срокомъ на три мѣсяца, якобы въ дополненіе къ служебной командировкѣ, и мы умчались отъ грѣха подальше...

Стояла зима 1921-1922 года. Наше путешествіе продолжалось по-черепашьему, 21 день; и въ Рождественскую ночь мы домчались до Москвы. Все путешествіе было полно невзгодъ и лишеній. Напримѣръ, чтобы отопить теплушку, мнѣ пришлось ночью сорвать доски съ платформы какой-то полустанціи... Нашъ паровозъ иногда бросалъ насъ въ степи, чтобы «заработать» и провести товарные вагоны съ зерномъ куда-то в- сторону. Однажды, въ бурю и снѣгъ, стѣна нашего вагона-теплушки выломалась, и мы нѣсколько часовъ мерзли, пока получили другой вагонъ. При посадкѣ у меня украли кое-что изъ вещей, но не было времени въ темнотѣ искать виновнаго. Хорошо еще, что изъ солдатскаго ковша мы получали горячій супъ,

чай и хлѣбъ два раза въ день и кое-какъ держались сытыми. Изъ дѣтей никто не заболѣлъ, хотя ихъ приходилось мыть снѣгомъ... — Въ Москвѣ мнѣ повезло — тамъ я разыскала свою Финляндскую миссію. Сперва меня не могли признать финско-подданной изъ-за отсутствія паспорта. Но потомъ тамъ нашлась бывшая горничная, которая меня сразу узнала. А позднѣе — одинъ изъ пріѣзжихъ чиновниковъ, нынѣ уже покойный г. Таваштерна подтвердилъ мои права. Послѣ установленія подданства, я была принята на должность врача при миссіи и это дало мнѣ право официально и легально выйти въ отставку отъ большевицкой службы. Восемь мѣсяцевъ спустя, въ порядкѣ «дипломатической любезности» я была отправлена на родину — въ Финляндію.

36. ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Заканчивая мои «воспоминанія» — грознаго времени разрухи и хаоса, я благодарна Провидѣнію-судьбѣ, давшему мнѣ возможность пережить и съ честью выйти изъ, казалось, безвыходнаго положенія. Какъ зритель, какъ жизненный актеръ, я — участвовала въ великой Россійской драмѣ. Дни бѣгутъ и мчатся годы — «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». Старое кануло въ вѣчность, а новое — еще не распознало самое-себя. Что будетъ дальше съ Россіей? Каковы ея пути??? Мои воспоминанія «на это не даютъ отвѣта»...

Судьба народа — сама жизнь.

Гр. С. А. Кронгельмъ-авъ-Хакунгэ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

